

1972

1 января

Вот и начался он, год Великий Неизвестный, к тому же високосный. Одни говорят, что високосный всегда несчастный, другие (я тоже) утверждают, что следующий за високосным сулит всякие беды. Действительно, если вспомнить наше прошлое, то это обнаруживается ясно: 1937, 1941, 1949, 1953, 1957, 1965, 1969... Примеров достаточно.

Вчера всем семейством мы скромно встретили двенадцать ударов на Спасской башне, распили бутылку шампанского. Вскоре Катя ушла Гердтам и к своим сверстницам. Домой она вернулась в 4 часа ночи.

Про себя мне сказать пока нечего, разве только одно. Мысль о Зое, память о ней отступила. И это очень грустно. Не потому, что память поддерживает, нет. Она просто стержневая в жизни, она ориентир во времени. И чем требовательнее дает она знать о себе, тем яснее для меня прошлое, настоящее, да и будущее тоже яснее. Послезавтра, когда я вернусь в город, начнется обычная жизнь со всеми делами и отвлечениями от дел, которые до конца заполняют передний план сознания. Может быть, он и не богат, но это неважно. Но до послезавтра еще слишком много времени. И в течение этих двух дней я еще успею дать себе отчет в самом себе, а это единственное, для чего нужен дневник.

День кончается. Вот в телевиденье показывали старый фильм «Король олень», все восхищались. Играли хорошие актеры: Юрский, Яковлев, Ефремов, Табаков.¹ А мне казалось все происходящее на экране сплошным кривлянием, порчей сказки Гоццы. Несколько живых интонаций у Ефремова и Малявиной (из театра Вахтангова) не могли исправить дела.

Читаю книгу Хейердала «Аку-Аку». Эта книга также прекрасна, как его «Кон-Тики». Точнее же прекрасны не книги, а увлечения этого норвежца, то, чему он он посвятил себя и свою жизнь. Мысли и охота идти на риск. Прекрасно, что такие люди существуют в XX веке.

Завтра мой последний день на Пахре – наверное, уже до февраля.

2 января

Всю ночь, во всех довольно ярких снах присутствие Зои. Для кого-то, для какой-то гостыи я должен найти Зоины фотографии и никак это не удастся. И тогда я вспоминаю, что Зои-то самой на свете нет, я реву, но на этом сон не кончается. Он еще раз запутывается. И та же ситуация, но с другими подробностями, повторяется еще несколько раз: Зоя рядом, я жду ее нетерпеливо и снова соображаю, что жду напрасно. И так всю ночь, без исхода. Множество разных персонажей, все они выдуманы во сне, ни на кого не похожи, мужчины, женщины, не знающие Зою, никогда не видевшие ее. Я хочу их познакомить с нею. И когда это не удастся, снова мысль о том, что Зои нет. Такого длинного и связного сна еще не было у меня. <...> Это совсем другая сфера жизни, таинственная и беспричинная. Сны вообще странная вещь. В них проявление силы, которая в бодрствовании не поддается исследованию.

Вот уже в который раз за эти три года я спрашиваю себя: чем же была в моей жизни встреча с Зоей, сорокалетняя наша огромная любовь? Что означал ее уход из жизни? Как это случилось, что после того, как угасла ее жизнь, моя все-таки продолжается? И я не могу ответить. <...>

Всё, чем была прекрасна наша жизнь вдвоём, продолжается. Прежде всего, продолжается воля к труду. Ее можно определить и волей к творчеству. Оно очень эгоистично по своей природе и не терпит никакой узы. Ничто не может оторвать от всепоглощающего желания сделать вещь, будь она скульптурой из дерева или поэмой. Зоя знала это во мне, я знал в ней. Мы идеально подходили друг другу, идеально понимали и чувствовали друг друга.

Наверно, если бы я умер раньше Зои, ей было бы во много раз труднее, чем мне. По тысяче причин. Из них главная – отсутствие больших денег. Зоя не Майка Луговская², она не сумела бы, да и не захотела бы развивать бешеную энергию по увековечению памяти мужа, она не гналась бы за новыми изданиями, не устраивала бы вечеров... Ее строгость и скромность были бы безупречны. Кроме того, кто бы о ней позаботился? Она продолжала бы не обращать никакого внимания на свое здоровье. Она смущенно прожила бы еще несколько лет, сохраняя независимость от всего внешнего, прожила бы на Пахре, в Москве бывала бы редко. Друзья любили бы ее, как всегда.

Передо мной стена, вся сплошь увешанная фотографиями и портретами Зои во всех возрастах, в жизни и в ролях. Три года они уже так размещены. Справа скромно примостились два портрета Вовы и два Александра Блока. Так это и останется навсегда. Так и останутся навсегда в комнате рядом тесно прижатые друг к другу Зоины скульптуры. Ее память будет главенствовать в этом доме, как она сама главенствовала в нем. <...>

Кто знает, куда и как повернется жизнь дальше. Да и продлится ли она. Nacht und Nebel.³

3 января

Ну вот я в Москве, а день получается совсем неудачный из-за машины. Николай Павлович⁴ обнаружил, что бездействуют световые сигналы поворотов направо и налево. Обнаружено, что прогорело реле. Требуется новое. Придется ему ехать в Хомутовский пер. к Курскому вокзалу, чтобы исправить реле. Так что я сижу дома.

Звонила Лидия Михайловна (Л.М.Красноглядова, редактор в изд-ве Гослит. – Сост.) Она не требует моего приезда сегодня. Производств. отдел не торопится отсылать III том в Ленинград.⁵ Вечная история у них.

Звонил к Белле – телефон молчит глухонемой. Звонил к Тане Глушковой – она совсем расхворалась.

У нас Владимир Михайлович. Вот и все, что можно написать в середине этого дня. Мой подполковник из Гори прислал мне какую-то посылку в 6 кило. Мы вызвали такси и Влад. Мих. с Варей поедут по указ. адресу на просп. Калинина. Грузины всегда предпочитают почту с оказией на манер XIX века. Наверно, это правильно.

Звонила Белла. Может быть, вечером они приедут с Эльдаром. Читаю книжку Ю. Королькова⁶ о Зорге. Такому бы герою да еще талантливый автор. Корольков много знает, но ничего к этим знаниям не умеет прибавить.

4 января

С утра звонила Инна⁷ и вскоре явилась. Мы с ней вместе доехали до Басманной, и она отправилась по своим делам на Бумажный проезд, в редакцию детских журналов. Я в Гослите, довольно быстро уладил все вопросы корректоров по III тому и он окончательно пошел к техреду. Отдал Лидии Михайловне поэму – возражений против того, чтобы ею кончить IV том, нет. Инна скоро явилась, мы приехали к нам. И тут – звонок: Таня Калинина в Москве. Она вскоре появилась; мы пообедали.

Наконец долгожданный звонок: Сашура! Пребыванием и работой в Мытищах довольна. Она в первичной организации какого-то конструкторского бюро, окружают ее молодые инженеры. У нее там же своя маленькая комнатка. Практика, так это называет, продлится до 13-го и она вернется в Великие Луки. В ночь на 15-ое мы, проезжая Великие Луки, заберем ее в Ригу. Вот и весь этот пестрый день <...>

Говорили с Беллой – она спешно кончает какие-то переводы, должна сдать их завтра утром.

В посылке грузина кроме яблок оказались еще две литровые бутылки вина, явно деревенского. Они запечатаны сургучом и без этикеток.

5 января

С утра пришла Таня Калинина, жадно хлебнула кофе и тут же сорвалась на вокзал за билетом в Ленинград. Я отвез и ее. Далее «Литературная Россия», где я попытался экспромтом сократить статью о Тани Глушковой (ох уж, эта Таня!..), но это невозможно было сделать на ходу. А Поздняев⁸ выдумал еще такое возражение: дескать, неудобно органу РСФСР хулить татар, лишний раз напоминая о трехсотлетнем татарском иге. Оно, конечно, дикая ерунда, но пришлось с нею считаться. Я взял статью домой, чтобы заново ее перепечатать. Поздняев клянется, что в январе статья пойдет.

Лидия Михайловна в целом очень довольна поэмой. Так что, видимо, дело с ее включением в IV том решено. Только что она звонила, что в III-ем томе для полного листа требуется шесть печатных полосок. Откуда их взять, что прибавить, – ей-богу не знаю. Сейчас говорил с Таней, она огорчена, что со статьей еще приходится возиться.

За окном яркое зимнее солнце, бледно-голубое небо и мороз - 5°.

Вечером у Беллы. У нее американец со своей леди, юной и тощей до невероятия. Он хорошо говорит по-русски, она – чуть-чуть по-французски. Пришла и Танька. В целом это пестро и дико: тем более что что вино, присланное грузином, оказалось крепчайшей чачей, самогоном. Много красивых тостов, как всегда. Сейчас, в 11 часов, я вернулся домой .

6 января

Только что звонил Белле: отбой насчет приезда всей компании ко мне сегодня вечером. Это невозможно. По нашему с Зоей соглашению, мы всегда отмечаем его как день нашей свадьбы.

Короткое посещение Гослита. По требованию техреда я увеличил статью о Шекспире большим куском, вырванным из «Некоторых итогов», предназначенных для IV тома и дополнил статью о Рембо сильно расширенными цитатами из «Пьяного корабля» и «Рук Жанны Мари» его же. Кроме того, узнал, что III том определен к выходу в марте, а IV только в четвертом квартале, дай Бог, в сентябре.

7 января

Утром тревога: пропали Белла с Эльдаром. Ее домработница Вера Кузьминична места не находит себе. Обнаружилось, что они были у Карменов, а потом у матери Эльдара, которая давно больна психически. Ее надо отправить в больницу.

К 11-ти часам я пошел на партсобрание, прослушал двухчасовой доклад секретаря М. К. Гришиной, полный самых общих слов и сведений, известных по газетам уже полгода. Ни одного слова живого и мысли от себя. Мог и не ходить.

От Володи Орлова ужасное письмо. Внучка Лены Юнгер заболела обыкновенным гриппом, какой был и у нашего Дениса. Но грипп дал осложнение: менингит. С ним шла длительная борьба в больнице, в знакомом мне отделении реанимации, и девочка погибла. Володя сам в ужасе, но можно представить себе, в каком состоянии сама Лена и ее дочь, мать ребенка. Этой погибшей девочке 13–14 лет.

8 января

Была Сашура вялая, усталая и неразговорчивая. Она пообедала со мной, но наотрез отказалась от водки, которую я прикончил один. Только что приехала Кипса с Катей, и Кипса уже ушла на родительское собрание в художеств. школу Кати.

Перепечатал цикл «Из старой тетради» – может быть, дам в «День Поэзии», хотя и не верю, что там это пройдет. Спал днем как убитый и когда проснулся, долго не мог понять, что это, утро или вечер.

9 января

Перепечатал статью о Тане Глушковой для «Литературной России» и точно уложился в пять страниц, что и требовалось. Где-то около часу поехал за нею и привез на улицу Щукина. Она читала новые стихи – прекрасные. Я прочел ей «Очей очарованье». Она точно и верно определяла, что лучшее. «Проклятая живучесть», оказывается, и ей знакома, несмотря на молодость. Таня тщательно поправила мои опечатки, их тысячи, в статье.

10 января

С утра позвонил в «Лит. Россию». Оттуда скоро явился курьер и повез статью в редакцию. Заказал четыре билета в Ригу на скорый поезд № 1, на воскресенье 15 января, через 5 дней. Завтра билеты будут у меня в руках.

В ЦДЛ просил фотографа Вадима сделать кинолентку с маской Горгоны – это на всякий случай, если в Риге мы с Беллой решимся на эту давно задуманную инсценировку из «Робеспьера».

Днем мне снился какой-то тяжелый и неприятный сон: моя болезнь, запущенный дом на Пахре, Вова еще совсем мальчик, Нагибины, врачи, мысль о том, что Кипсе достанется разрушенное хозяйство... Все оттого, что засыпаю на спине, уперевшись затылком в подушку. Сам сон некрепок, но вырваться из его гнета нелегко, сжат мозжечок. Володя Орлов прислал много «капитанского табаку».

Весь вечер Вадим Фадин, поэт, который когда-то, в 58-м году понравился мне новизной «космических» тем, широким кругозором. Сейчас он – противоположность тому себе, скучный и вялый кропатель бессодержательных стихов. Я попросил его принести свое самое старое, чтобы заново попробовать пробиться хотя бы в периодику, хоть в какую-нибудь.

11 января

Полночи я не мог уснуть из-за припадков удушливого кашля, который как раз сейчас не к месту ввиду «гастролей» в Ригу. Он, видимо, не столько от курения, сколько от меняющейся погоды, неустойчивой несмотря на мороз. Куда-то пропала та особа в Союзе писателей, что обещала сегодня вручить железнодорожные билеты. Допечатал цикл «Из старой тетради», включил в него и «Кота» (Пер. с фр. стихотворения Ш.Бодлера. – Сост.), ставшего знаменитым после вечера 21 ноября. Боже, как давно это было!

12 января

Билеты в Ригу все у меня в кармане, а утром звонила оттуда Лида Жданова⁹ и сообщила, что в городе висят афиши о нашем выступлении.

Где-то в начале дня явился Богучаров, чтобы взять у меня поэму и привел еще одного поэта – Тарана Льва¹⁰, к тому же психиатра. Я имел неосторожность предложить им грузинский самогон – чачу. Второй (Таран) доблестно выдержал это испытание, а вот Саша Богучаров окосел до того, что до сих пор спит на диване в столовой и храпит на всю Ивановскую, разбудить его невозможно.

Лидия Михайловна сообщила новость: IV том немедленно идет в производство, значит, он выйдет раньше.

В шесть часов пришла Сашура, замерзшая и прелестная. Через некоторое время пришла и Лариса Солдатова. Кипса была приветлива с обеими, но столовая оказалась вне возможности хорошо принять их. Еще пришел Юра Завадский и

произвел сногшибательное впечатление, особенно на Ларису – Сашура-то его уже видела несколько раз. Так кончился этот день.

13 января

День начинается с тревоги. У Эльдара 17-го важный экзамен. Проблема в том, ехать ли ему на один день 16-го в Ригу или он останется в Москве. Белла и он сам склоняются к тому, чтобы все-таки ехать. Мне тоже этого хочется, ибо продавать билет, что у меня в кармане, это обидные хлопоты.

На меня еще нагрузка: телевидение и беседа с писателями в Риге 18-го. Надо постараться все это выдержать.

Саша Богучаров проснулся с виноватым и несчастным видом. Говорил с ним. Редколлегия «Смены» берет строк 200 из поэмы. Определить, какие именно, предстоит мне по возвращении в Москву. Иллюстрацией будет цветной снимок со статуи Петра работы Антокольского¹¹: она отлита из бронзы ровно сто лет назад, в 1872 году. Значит, мы с дедом сошлись в том, что отметили эту дату: он – через два века, я – через три. Бывают же такие совпадения!

Был Виктор Гончаров¹², принес свой перевод «Слова о полку Игореве», не ахти какой, но я написал внутреннюю рецензию на страничку для альманаха «Мужество».

14 января

Звонили из рижского телевидения: передача назначена на 19-ое. Звонили из нашего телевидения, запишут мое чтение Пушкина 22-го.

Был художник-редактор из «Современника», милый парень, куда лучше и умнее «политического» редактора Целищева. Отобрал 2 фотографии. Будут цветные иллюстрации по числу разделов книги.

Был Петя Вегин¹³, взял цикл «Из старых тетрадей», что именно пройдет из цикла, неясно нам обоим.

15 января

<...> Наконец-то я прочитал стихи молодой женщины, которые Ия когда-то дала мне. Это очень сильно: безграничная искренность, тяжелая судьба, преданность поэзии, Пушкин, Марина.

Итак сегодня в Ригу. Мороз жуткий и яркое солнце на дворе. Через 40 минут еду за Беллой и – айда на Рижский вокзал!..

16 января

Вчера вечером приехал к Белле, довольно долго ждал, пока она соберется, а главное мы оба ждали возвращения Эльдара. <...> От них выехали чуть ли не без четверти восемь, и волновались, как бы не опоздать на поезд, но все обошлось благополучно: явились на Рижский вокзал за двадцать минут до отхода поезда. Разумеется, в нашем купе сидели довольно долго, не обошлось без водки и сала. Разошлись ко сну где-то в 11 часов вечера. Я принял все свои лекарства и

снотворное, но уснуть было очень трудно: ждал Сашуру. Уснул в четвертом часу и проснулся от легкого, чуть слышного шелеста, когда она уже была в купе. Тут я и заснул крепко до 8-ми утра.

В 10:25 мы в Риге. Встречали нас все долженствующие встречать и после длиннющей процедуры в гостинице разместили по номерам. Сашура пока бездомна. Обещают, что к 6-ти часам всё уладят.

После всей компанией очутились в ресторане, пили водку, ели селедку и блюдо «Ласточка» (яйца в какой-то обертке). Сейчас все ушли, то ли отдыхать, то ли догуливать. Я один в номере. Рижане люди милые, но слишком корректные и односложные, так что наше буйное поведение (Беллы и мое) кажется им чем-то средним между непристойностью и волшебством.

Эльдар наверно хороший парень, но сегодня он показал и другое свое лицо. Сужу по рассказу Сашуры. Все они были у Лиды Ждановой. Белла (и без того сильно во хмелю) еще более нахлесталась и стала танцевать со здешним секретарем СП. Эльдар взбесился, бросился ебить ее партнера, его кое-как оттащили, тогда он стал избивать Беллу, его оторвали и от нее. Сашура на этом деле обломала ногти.

Скоро пришли и позвали меня на II этаж в буфет. Я пытался ничего не пить, но немного пришлось все-таки приложиться. Скоро явилась и Сашура, а потом часа через полтора Белла и Эльдар. Где-то за соседним столиком я услышал французскую речь. Это были три славных парня, два из Парижа, третий из Алжира. Они работают здесь, как механики на парфюмерной фабрике. Ребята милые, темноватые, но приятные, как все французы. Я позвал их к нашему столу. Тут явился тот самый секретарь СП и позвал Беллу с Эльдаром к себе. Мы с Сашурой кое-как отвертелись от его предложения.

Завтра вечером начнется наша (Беллы и моя) трудовая деятельность – выступление перед пятьюстами рижанами. Увы, у Беллы в сумке почти все мои лекарства. Плохо, что и снотворное тоже. Но может быть усталость сморит и без них.

17 января

Ночь у меня была насквозь бессонная по милости этой ведьмы Беллы. Она так и не явилась. Тогда Сашура прорвалась в её номер и достала все мои снадобья, так что дневной сон мне обеспечен. Уже звонили насчет интервью для радио и из редакции газеты.

Где-то между шестью и семью за нами приехала машина и мы отправились в Дом профсоюзов, бывшее Купеческое гильдейское собрание, на свое выступление. Белла читала свои стихи целый час. По правде, я удивлялся сдержанным и коротким аплодисментам, и аплодировали далеко не всему, что она читала. Кто-то сидевший рядом уверял, что здесь именно так бывает. Но когда я начал, совсем другая картина. Каждое стихотворение принимали на ура и хлопали много, дружно, громко. Я тоже читал целый час, разное: и боевые свои, и то, что читаю редко.

Потом неизбежное сидение в ресторане, затянувшееся до полуночи и глухой, тупой сон до 9-ти утра. Наверное, я спал бы еще, но разбудил звонок Лиды Ждановой.

18 января

Сегодня предстоит встреча с латышскими писателями в их союзе и публичное выступление. На этом конец и точка. Мы решили лететь завтра же. Белла – рано утром, мы с Сашурой в 4 ч. дня. <...>

19 января

Вчерашнее выступление для меня лично было гораздо хуже, чем первое. Много путал в текстах, которые не знал наизусть. И, соответственно, аплодисменты были жидкие. Но, как ни странно, слушатели, бывшие и вчера и третьего дня, говорят, что я выступал лучше. Зато Белла была на удивительной высоте артистизма, самообладания. К тому же роскошное вечернее платье, черное с золотом! Итак, наша деятельность, слава богу, исчерпана.

А сегодня я был на телевидении. Поэт Юлий Ванат¹⁴ мило и подробно рассказал обо мне: латышский язык можно понять и не зная его, хотя бы по употребленным именам, по названиям моих вещей. Потом он же, Ванат, допрашивал меня: как я из театрального человека стал поэтом. Я отвечал, что не один такой: Завадский начал как художник до театра. Козинцев то же самое. Говорил, что для меня в сущности не отмер ни театр, ни живопись. Потом прочел «Застольную» и «Маяковского», «Санкюлота», в котором несколько раз ошибся.¹⁵ Тут же все это увидел на экране.

В аэропорту все процедуры были просты и провожавшая нас Лаймедоти довела нас до самого трапа Ту-134. Кажется, я в первый раз лечу на этой великолепной машине, без всяких надобностей в валидоле. Вылетев в 16:25, мы где-то около 18 ч. были во Внукове.

20 января

Сегодня Кипсе исполнится 51 год. Родилась она в тяжелые дни 21 года, в годы голода, абсолютной нищеты и моей болезни. С тех пор прошло много больше, чем полвека, прошла вся безумная моя жизнь, полная любви к Зое, полная труда, бесславия и так называемой славы, которая на поверку еще тяжелее, чем бесславие. Да и называть это славой глупо. Скорее, знаменитость, оно проще и скромнее. Все это клонится уже и не к закату, а послезакатным сумеркам. Но не стоит что-либо предугадывать. Каждый день начинается заново. Каждый день неузнаваемо меняет картину как фон и настроение – как сущность. Нет никакой застрахованности. Все шатко и зыбко.

Среди ждавших меня писем оказался весьма злобный, антисемитский пасквиль, направленный против первых двух томов моего собрания сочинений. Пишет ленинградский житель, некто Владимирский. Думаю, что это не псевдоним, во всяком случае, адрес указан вполне достоверный. Разумеется, отвечать не буду. Но любопытно, из каких низин или недр злобы рождаются такие отклики, что за тип этот автор. И он явный невежда: русского языка не знает,

истории не знает, да и жизни тоже не знает, но мою поэзию, оказывается, знает ещё с 30-х годов, когда она ему якобы и нравилась.

21 января

Вечер дня рождения Кипсы прошел очень мило. Были Ася, Андрей, Мила и подруги Кипсы. Она наварила хороший глинтвейн. Все были болтливы и веселы. Я и Андрей, единственные мужики, явно были не нужны этому обществу.

Сегодня с утра я отправился в поликлинику Литфонда, пытаюсь добыть у Анатолия Исаевича нужную справку «прогульщице» Сашуре. Из этого ничего не вышло. Он может давать такие справки только прикрепленным к поликлинике, на основании тех «историй болезни» которые лежат у него на столе.

Белла прилетела вчера вечером, но связаться с нею мне так и не удалось. Убежден, что о своем обещании добыть для Сашуры такую же справку она совершенно забыла. Ну слава богу, Сашура звонила: справку она сама добыла каким-то образом. Сегодня ночью едет в Луки; до этого хочет прийти.

Звонила Белла, оказывается прилетела она еще вчера, но свалилась тут же, выключив свой телефон, а сегодня утром мать устроила ей дикую сцену. После таких столкновений Белла всегда хочет умереть. Наверно, это действительно ужас.

Звонил Всеволод Рождественский¹⁶, вечером будет у меня. Вот этому я действительно рад: старый поэт и друг настоящий.

22 января

Вчера день кончился тем, что приехала Сашура уже с билетом на поздний поезд в Великие Луки, но, увы, не успев собрать свой чемодан в Вешняках, должна была спешить, чтобы не опоздать уехать. Уехать надолго, почти на все двухнедельные каникулы. А тут в полвосьмого явился Всеволод Рождественский с одной из своих младших дочерей-близнецов. Мы сидели уютно и распили с молодой женщиной весь коньяк. Ни Сашура, ни Всеволод не были нашими партнерами. Голос у меня абсолютно хриплый. Надо молчать и молчать.

23 января

Писал письма: Сашуре, Марусе Комиссаровой, Зисельман, заказное со стихами Вс. Рождественскому. <...> Ждал, ждал и перестал ждать Татьяну Глушкову. Звонила из Питера Таня Калинина, рассказывала о Риге. У нее очень трудно с деньгами, но на сей раз я никак не могу помочь ей, у самого гроши в кармане.

Сегодня я наконец написал письмо той девочке, стихи которой когда-то, очень давно, дала мне Ия. Стихи действительно стоят внимания, они даже удивительны по совершенной искренности и распятости души, не очень счастливой, трогательной. Об этом я звонил Ие и она завтра обещала прийти, прочтет написанное и отправит адресатке.

Голос у меня постепенно становится на конки. Есть ещё завтрашний день, чтобы ко вторнику быть на высоте на телевидении.

24 января

Один раз за всю ночь, да и то мгновенно, мелькнуло личико Зои, не то грустное, не то насмешливое. Оно мелькнуло и могло бы, кажется, забыться, как все остальные в тяжелом и мутном сне. Так нет же, оно остается как напоминание о главном и вечном, как предостережение и указание. Остается со мной и во мне свидетельством того, что я не потерял ее, а значит, не потерял и себя. <...>

Звонила Ася (Анастасия Ивановна Цветаева. – Сост.), она шлет мне с нарочным свою книгу, и я буквально вымолил у нее два экземпляра, известив, что в ответ шлю ей всё, что у меня есть: два моих тома и «Сказки», а ее нарочному дарю свою пластинку. Через какое-то время он явился, читал свои приложения к «Апокалипсису». И вдруг является Ия. Тут же прочла и одобрила мое письмо к девочке, её протеже. Мы с поэтом пили зубровку. Ия за рулем и решительно отказалась от водки. Она мила и прелестна, как никогда: смеющиеся, умеющие лгать ярко-голубые глаза и острый, дерзкий носик. Шуба похожа на тулуп, подпоясанный в талии. Говорит, что Фаина (Ф.И.Раневская. – Сост.) называет «Комсомольскую правду» юной блядью. Нам с ней предстоит совместное посещение Фаины, запланированное еще в прошлом году.

Белла, находясь в абсолютном безденежье (по своей же вине: у нее масса заказов на переводы, могла бы легко все это сделать и загрести тысячи), вздумала менять двухкомнатную квартиру на однокомнатную и выручить какую-то разницу на обмене (меньше тысячи). Эти деньги тут же разойдутся так, что она и не заметит, куда и на что. Но в дело энергично вмешалась Кипса и завтра же повезет ей хоть часть нужных денег. Белла с блаженной легкостью согласилась. Правда, может случиться и так, что она и деньги возьмет и квартиру обменяет. Но учредить над нею опеку невозможно.

Вообще, за Беллой нужен глаз да глаз: Геннадий Мамлин¹⁷, какой бы он ни был, все-таки вполне взрослый и честный человек, а главное, он любил Беллу и ценил в ней ее дарованье. Он старался сделать так, чтобы она не роняла свое достоинство. Требовать этого от хилого Эльдара невозможно. Он колеблется, тростинка с больными нервами. Но главная причина, очевидно, в Ляле Россельс, которая угодливо потакает Белле во всем. И благодаря близкому соседству и всяческим мелким услугам: напечатать быстро на машинке, приглядеть за Анечкой¹⁸, вымыть посуду, постирать бельишко и прочее, – она всегда нужна и всегда тут как тут. Разумеется, она чувствует, что такое и кто такая Белла.

Я доподлинно знаю, какую вредную роль сыграли Россельсы в разрыве Беллы с Нагибиным. Они потакали ее прихотям, уродливо смакуя всякие сплетни. Все могло бы и должно было быть достойнее, скромнее, тише, без разглашений на всех перекрестках, без этой подлой суеты <...>.

Я надеюсь, что Ия и Кипса вытянут Беллу из безденежья. Сейчас это главное. И найти бы кого-то, кто смог бы уберечь Беллу от безудержного швыряния деньгами, когда она и сама не знает, куда и на что они ушли. В ней есть что-то от Настасьи Филипповны. Это пришло мне в голову еще в Риге.

Была Таня и только что ушла. Читала прелестные стихи, целый цикл в 12 стихотворений, и еще отдельные, из которых два гениальные! Она очень тонкий и

великолепно настроенный музыкальный инструмент. Ее слух одинаково остер и в отношении природы, и в отношении русской истории. Тут она слышит самые тайные зовы сквозь века. За это можно и любить ее, и восхищаться. А какая скромная, застенчивая сдержанность, какая неуверенность в себе. Все это не наиграно, не кокетство, а сложная и несчастливая судьба.

Завтра, черт возьми, телевидение. Внутренне я к нему готов, а вот голос проклятый хрипит и хрипит, несмотря на инжир, молоко, соду, мед.

25 января

Мы с Кипсой поехали в сберкассу на Пушкинской улице, чтобы оформить мою доверенность ей еще на три года, а оттуда в другую сберкассу, где я получил свою пенсию за январь. Вернулся домой и начал готовиться к телевидению: проверил знание пушкинских тетрадей, в последний раз полечил голос. Но он остался все тем же, хриплым и старческим.

Запись продолжалась часа два с лишним. Кажется, вышло неплохо. Я читал конец V главы «Евгения Онегина», «...Для берегов отчизны дальней», «Заклинание» и «Элегии» 1833 г. Перед тем сказал несколько слов о Пушкине. Белла и говорила, и читала хорошо: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Подъезжая под Ижоры», «Вакхическую песню» и еще четверостишие, какого я и не знаю у Пушкина. На том дело кончилось. Передача будет транслироваться в годовщину гибели, 10 февраля. Белла произвела на меня в целом хорошее впечатление. Она и спокойна, и благожелательна ко всему, за исключением своей матери, которую ненавидит до дрожи.

Дома пообедал и прямо рухнул в крепкий сон. Проснулся только полвосьмого вечера. Звонили с телевидения: в полдесятого фильм о Завадском, где кусок нашего разговора с ним на ул. Щукина. Фильм интересен, но слишком уж затянут. В некоторых местах, где Юра оживает, даже кричит, очень хорошо. И когда один, тоже хорошо. И кусок со мной совсем неплох. И очень хороша сцена Бортникова с Ией. И очень хорошо, что она в самом конце. Ия рассказывает, как Завадский работал, как искал решение спектакля, как «пошёл» от сновидений. Она необыкновенно свободна перед экраном и обольстительна без тени кокетства.

26 января

Утром начался пленум правления СП СССР. Я поспел к самому началу, когда зал ЦДЛ был уже набит до отказа, так что очутился в фойе и еле слышал казенную белиберду, которую нес с трибуны докладчик Виталий Озеров больше двух часов. Зато увидел старых азербайджанских и армянских друзей.

Уговорился с администрацией ЦДЛ о вечере С. Гудзенко во второй декаде марта, вечере платном с подходящим исчислением в пользу Вьетнама. Так мы общими усилиями поддерживаем борьбу с американской агрессией. Это будет уже четвертый такой вечер. Каждый приносит рублей шестьсот.

Множество народу видело меня вчера по телевидению и все утверждают, что это было лучшей частью передачи о Завадском. <...>

От Тани Калининой книга стихов. В них явный рост, большее умение выражать ясно мысли и чувства, но какой-то застой в отношении этих чувств. Они, сами по себе, – повторение пройденного год или два назад. И все-таки она молодец, что-то в ней удалое, лихое, наглое. Это важнее всего в молодости. И безмерная любовь к Петербургу, к его площадям, к каналам. Здесь она и рабыня навсегда и вообще тут и только тут ее путь, несмотря на множество других поэтов, клявшихся в любви к Петербургу.

27 января

С утра на телеграфе: перевел Таньке 80 рублей и телеграфировал ей об этом, а потом к Белле – отвез ей книгу Аси Цветаевой. Вечером она и Эльдар явятся ко мне. Белла полна ужаса от диких воплей своей матери, женщины, может быть, и милой и несчастной, но увы, не слишком умной, а может быть, психически неуравновешенной. Она обвиняет Беллу и в том, что та «несоветская», и в том, что наркоманка. Но и Белла не сахар! Вернейшая домработница, старуха Вера Кузьминишна, ни с того ни с сего стала ей отвратительна. Между тем, без этой женщины пропала бы и Белла и ее маленькая дочка. Белла капризна в своих симпатиях и антипатиях. Возможно, единственный человек, в котором она никогда не видела врага, это я. Может, еще Женя и Галя Евтушенко. Но сейчас она, конечно, боготворит Эльдара. *J' imagine ils font l'amour toute la nuit entire et le jour aussi.* (Я предполагаю, что они занимаются любовью всю ночь напролёт и день тоже; пер. с фр. – Сост.)

Обедал с Володей Орловым. С нами были Лена Николаевна Снегова¹⁹ и Даниил Гранин, которого я видел второй раз в жизни, первый – на «Каширской старине», т. е. на страшноватом «приеме», устроенном Хрущевым для писателей, когда он, упившись коньяком, издевался над Маргаритой Алигер²⁰. Сейчас Володя ко мне придет. А вот поганая Белка ждет к себе каких-то грузин и боюсь, их приезд продлится у нее допоздна, так что мое желание свести ее с Орловым проваливается.

С Володей мы очень хорошо посидели, говорили о том о сем. Он серьезный и сильный человек, сильный духовно и нравственно. Читал замечательные стихи о «Красной Стреле» – на этом мы снова сошлись. <...>

Читаю небольшой американский роман «Колыбель кошки», о которой раззвонили: дескать, замечательное явление, новое слово... По-моему, идиотический и претенциозный бред о сборище невероятных персонажей, о детях какого-то творца атомной бомбы, мифического ученого, в существование которого не веришь, настолько бегло и поверхностно он показан. Остальные лица ему под стать. Перевод Риты Райт ничего не спасает.

28 января

<...> Послал Асе Цветаевой еще один экземпляр сказок, за что получу от неё пятый! экземпляр её книги.

В Гослите уже есть 9 первых листов сверки III тома. К двум часам должна вернуться с ними Кипса, она же пойдет к Асе. Очень жду ее.

Договорились с работниками Третьяковки (Государственной Третьяковской галереи. – Сост.), чтобы снять там на цветной пленке бронзовую статую Петра работы Антокольского (Марка Матвеевича Антокольского, скульптора. – Сост.) – ей тоже исполняется сто лет. Она – лучшая из возможных иллюстраций к поэме в «Смене».

Звонила Инна. Она утверждена доцентом у себя в институте. Это означает меньший объем работы там.

Девять первых листов сверки III тома благополучно отредактированы. Я нашел три-четыре ничтожных опечатки и только.

29 января

С утра у меня Вершинин.²¹ Принес номер альманаха «Мужество», где моя статья о Хо Ши Мине²² и перевод его тюремного дневника. Я предложил ему написать рекомендацию в Союз, что тут же и сделал. Мы долго и обо многом интересном говорили. Он явно наш разведчик, но, кажется, человек с хорошим кругозором, далеко не дурак, а это в любом деле самое важное.

Письмо и от Лиды Ждановой о том, как наши с Беллой голоса продолжают звучать для них в эфире и в разных публикациях. Пишет в конце письма: «Сашура меня отпугивает своей суровостью, но трогательна в отношении к Вам». Я ответил, что и меня она отпугивает суровостью, а трогательно разве только мое отношение к ней. И о том, что так ответил, написал и Сашуре самой.

Вот и все, что было сегодня. Ах да, письмо из Витебска от участника постановки «Женитьбы Фигаро» на белорусской сцене в 1932 году. Дело для меня тогда кончилось первым разрывом Ахиллова сухожилия на правой ноге. Рецидив был в 1953-м году на заседании СП, когда Фадеев вкуче с Первенцевым. назвал роман В. Гроссмана «идеологической диверсией». Сталин уже был мертв, но инерция антисемитизма продолжала действовать всюду! Доктора ещё были в тюрьме. А сколько было всякого впереди... И не сочтешь.

Утром звонила Таня из Ленинграда, у нее на Мойке все в порядке (если не врет). <...> декретный отпуск неизбежен в этом насквозь женском и молодом коллективе музейных работников. Значит, Татьяна, не будучи штатной, все равно получает свои 70 руб. в месяц: за какую-то беременную молодку.

д

30 января

<...> Читаю, кажется, во второй раз английский роман о Бонне – «Городок на Рейне». Это своего рода детектив, но в высшей степени язвительный по отношению к Англии, к ее дипломатической бюрократии, язвительный и безжалостный. Поэт Валерий Исаенц принес от Аси Цветаевой книгу для Юры Завадского. День кончился и прошел бесследно.

31 января

В 12 часов совещание совета по грузинской литературе при правлении СП СССР. Я состою его председателем и, как полагается, совещание открыл. Из

грузин – Каладзе, Нонешвили²³, От. Челадзе²⁴, еще многие, поэты Межиров, Тарковский, Ир. Андроников, В. Огнев, Перцев. Обсуждалась новая антология современной грузинской поэзии, вышедшая в 71 г. В. Огнев дает неопределенный дифирамб в ее честь. Кто-то его поддержал. Я взял слово и указал на недостатки и промахи: отсутствие переводов С. Спасского, О. Брика, отсутствие важных стихов Тициана, Симона, Карло, Григ. Абашидзе. Меня отчасти поддержали Мдивани и Перцев. Дальше неглупо говорил Суровцев. В 2 ч. я отбыл, спеша в УОАП (Управление по охране авторских прав. – Сост.), где меня ждали деньги. На этот день кончился, ибо Кипсе нужна была машина.

1 февраля

Э, нет! Английский роман, о котором я писал два дня назад, сильнее и значительнее, чем мне казалось на полпути. Это об очень многом, не только о бессилии и пошлости английских дипломатов. Тут весь нервный узел современной Западной Европы, её послевоенных тревог. Немцы и англичане затронуты одинаково, те и другие одинаково бессильны перед угрозой нового фашизма. И это показано не в гротескных преувеличениях, а с большим знанием дела.

2 февраля

В «Смене», капитально выправил текст и заново написал врезку. Прочел ответ «от редакции» о стихах Тани Калининой, писанный Богучаровым. Завтрашний поход в Гослит отменяется: Лидия Михайловна заболела гриппом и её не будет. Зато уже существует сверка всего III тома. Часть её послали с курьером ко мне. Конец должен прийти завтра.

С Таней Глушковой обедали в ЦДЛ. То ли моя это вина, то ли еще что-то, но больше встречаться с нею мне не хочется. Какое-то полное несовпадение во всем. И несмотря на то, что она и талантлива, и стихи её нравятся мне, и, наверно, она несчастна (впрочем, как всякое одаренное существо). Но недоброкачественна, недоброжелательна, как будто в чем-то перегорела дотла. Мне хотелось бы избавиться от такого ощущения.

3 февраля

Весь день я дома. Жизнь ограничена сверкой III тома. Потом пришел Игорь Волгин. Потом – Олег Лозовецкий, который принес рецензию Н.Б. Томашевского на мои переводы Готье и, стало быть, предложил всяческие переделки переводов. Я малодушно согласился на переделки, но ночью решил не притрагиваться к ним: чёрт с ним, с печатанием в сборнике Готье. Мое останется со мной.

Итак передо мной весь III том, со всеми последними вставками. Он чрезвычайно благополучен. Я правильно вставил Шиллера, правильно расширил Шекспира, правильно увеличил цитаты из Рембо. Остался мне для чтения один только Блок, но я не предвижу в нем никаких осложнений.

Письмо от Сашуры. Оно полно самоуничижения, злобы на себя самое, но она звучит и по отношению к адресату, ко мне. Просит избавить ее от моей заботы

или как она выражается «протекции»: дескать, все равно из нее ничего путного не выйдет. Я уже ответил ей довольно резким письмом. Может случиться, оно окончательно разозлит ее, а может, заставит одуматься.

Звонил из Ленинграда Всеволод Рождественский. «Нева» тоже хочет печатать мою поэму. Завтра пошлю экземпляр Володе. Звонила из Вильнюса Наталишка. Там хотят моих выступлений. Я согласен на это: в марте.

4 февраля

С утра звонил Вл. Орлову в Ленинград и он согласен с тем, что поэму лучше печатать в «Неве», а не в «Авроре». Будет действовать в этом направлении.

С 12 часов у меня сын Константина Поздняева – для «Вечерки» берет интервью, а заодно читает всю поэму. Сейчас четвертый час пополудни. Мы с ним раскулачили до дна бутылку водки (по три чирка на брата).

Был у меня Вадим Фадин, принес несколько старых своих стихов. Они действительно интереснее, чем те новые, что он читал недавно. Я взял их в неопределенной надежде куда-нибудь пристроить. Пока мне приходит в голову только «Новый мир» или «Смена».

С упоением читаю книгу Аси Цветаевой.

6 февраля

День начался с того, что позвонила Таня Калинина, оказавшаяся в Москве. Скоро она явилась и мы вдвоем поехали к Белле, пробыли у нее несколько часов. Я вызвал (с позволения Беллы) Сашу Межирова. Болтали о многом. Саша был говорлив, мил, благожелателен на все четыре стороны света. Потом он довез меня домой и зашел ко мне, взял свою фотографию на моем вечере и мою.

Танька пообещала зайти еще раз до отъезда в Ленинград, но вот только что звонила: билета так и не достала, но договорилась с проводником и уезжает через полчаса. Я подарил ей книгу Аси Цветаевой.

Смотрели с Кипсой вторую часть козинцевского «Лиры» (вчера – первую). Убежден, что в целом я не ошибаюсь, оценивая так высоко работу Козинцева, но <...> озвучивание многое портит. Боюсь, что Гердт, озвучивший Лира, портит больше всех. Вся главнейшая часть: в степи, суд над дочерьми, «нет в мире виноватых», – все это гибнет из-за слабого голоса, мелкой интонации.

7 февраля

Завтра, 8-го, ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Зои. Ей исполняется семьдесят лет, как мне – в 1966 году, жарким летом на Пахре, рядом с нею, так волновавшейся, так ждавшей того дня, так радовавшейся гостям, столу, звону стаканов, всему, всему, что нас двоих окружало, цветам, небу, своей работе... Я слишком давно не видел Зою во сне. Слишком давно не вспоминал ее в круговерти других лиц, среди них и женских. Слишком давно не отчитывался перед Зоей, как должно отчитываться перед нею во всем. Завтра утром поедем в Востряково, на кладбище, к бедному памятнику, серой гранитной стеле и бронзовому личику, запорошенному снегом. Утром будет холодно, наверное, около -20 °.

Ты не слышишь меня, ничего не знаешь о том, как прошли эти три с половиной года. А ведь они прошли. Эта чересполосица и неразбериха называется моей жизнью.

8 февраля

День рождения – ни горе, ни счастье,
Ни зима на дворе, ни весна,
Но Твое неземное участие
К несчастливцу, лишенному сна.
Стан без отклика, призрак без тела,
Различимая только с трудом,
Захотела Ты и улетела
Светлым ангелом в сумрачный дом.
Ни хозяйки, ни гости, ни песни,
Ни души, ни огня, ни лица...
Только вспомни, останься, воскресни
Навсегда, до конца, без конца...

В Вострякове. Снова твой бронзовый профиль и рука. И снова губы примерзают к твоей навсегда холодной руке.

Вечером были гости. Мы вспомнили сначала Зою, потом двух бабушек, Сережу Бажанова, Моисея, Леву Тоома и всех, кого нет и никогда не будет. Завтра начнется обыкновенная жизнь со всеми ее заботами. Этот день кончился.

9 февраля

Первое заседание комиссии по лит. наследству Геннадия Фиша. Были Таня Фиш, Бакланов, Прилежаева и некая особа, писавшая книгу о Геннадии. Главное дело и труднейшее – пробить трех-четырёхтомное собрание сочинений в Гослите. Это будет стоить трудов и хлопот. Но другие дела проще и все более или менее завершены. Книга Фиша (три повести) должна быть сдана в издательство «Детской литературы» и выйти к 73 году, к его семидесятилетию. Предложен и сборник воспоминаний о нем, где будут участвовать Бидstrup²⁵, Лакнес, еще кое-кто из скандинавских его друзей, а также и мы, советские друзья.

Звонил утром Лева Озеров и предлагает очень большое сокращение всей середины поэмы, на которое я не пойду. Вечером был Володя Кузнецов, живущий в Петрозаводске, очень милый человек, когда-то актер колхозного театра.²⁶

Звонила и Таня Глушкова. У нее сильно обострились отношения с руководством «Лит. газеты». На планерке она резко выступила, назвав одного из замредакторов хамом. В этом отношении она человек что надо, за словом в карман не полезет и бывает смелой до умопомрачения. Завтра нам обязательно надо повидаться. <...>

10 февраля

Утром Вершинин взял мои военные стихи для «Мужества», хочет поместить в первом номере, который пойдет ко Дню Победы. Разговор с ним, как всегда, интересен для меня. Он явный сталинист, но, слава богу, не дурак и все понимает, а знает слишком много и обо всем что у нас и что не у нас.

Приехал Владимир Михайлович, я проиграл ему две партии в шахматы. <...> Вечером пришла Таня Глушкова. Хамом она назвала первого заместителя главреда Сырокомского²⁷ и на то были все основания. Она тут же подала заявление о своем уходе из газеты, но к ней явились один за другим работники редакции и уговаривали ее остаться. В редакции это неслыханный случай.

11 февраля

В высшей степени тяжелый и неудачный день у меня. С Лево́й Озеровым поехали в Главлит. Главлит требует снятия второй статейки «Пушкин по-французски»: портит дело имя Арагона. Та гнусность продолжается.²⁸

Далее, новое распоряжение – не включать в собрание сочинений вещей, ранее не публиковавшихся. Значит поэма не может быть включена в IV том. Я готов на это пойти. Мне смертельно надоела эта междуведомственная, междуэтажная канитель.

<...> Наконец разговор с Подымовым: <...> клянется-божится, что крохотная рецензия о книге Т. Глушковой будет, наконец, напечатана в марте 3-его или 17-ого. А Татьяна в результате своего дерзкого поведения на планерке заслужила-таки уважение. Ей даже удалось продвинуть чьи-то стихи, которые долго обретались в неопределенном положении.

12 февраля

Утром позвонила Сашура. Сегодня занята какой-то конференцией в Мытищах, так что не пойдет со мной в ЦДЛ. Билет льготный остался у меня. Но вот позвонила Наталишка, будет ждать меня у подъезда на ул. Герцена в 7 ч.

Концерт в ЦДЛ, в той части, к-рая относилась к Шаляпину, был не очень интересным, зато Козловский за последнее время все больше и больше очаровывает меня. Он был блестящ. Разнообразен. Играл на гитаре сам и пел под гитару, очень мило поздравлял дочь Шаляпина (сегодня ему исполнилось 99 лет), устроил целую инсценировку с тютчевским романсом «Я встретил вас и все былое...» Это было превосходно. Мы с Наталишкой хорошо посидели в ресторане. Она совершеннее не может пить, вид у нее измученный, усталый, но мила мне по особенному очарованию. Вот и весь этот день.

На всех парах пишу статью о книге Аси Цветаевой.

14 февраля

Утром у Беллы. Эта бедная пара чем-то удивительно мила мне. Наверно, тем, что оба временно не курят и не пьют. Белла пишет свое, переводит эстонскую

поэтессу. От всяких выступлений наотрез отказывается. Эльдар учится во ВГИКе. Я пробыл у них долго, более двух часов, трудно было вызвать машину.

От Володи Орлова роскошный подарок: четыре коробки капитанского табака. Кажется этого богатства мне хватит до конца моих дней. <...>

15 февраля

День неожиданно начался с такого удушливого кашля, какого у меня не было до сих пор. Статья для «Нового мира» дописана. В ней чуть больше 20 стр. Варя испекла блины: сегодня Масленица. По телевидению повторяли фильм о Завадском. Мой кусок опять понравился мне. Кашель прошел так же внезапно, как и начался.

16 февраля

<...> Письмо от Тани Калининой очень грустное, холодное, мрачное. И устала, и отрицает самое себя. Хочется думать, что это временная, возрастная блажь. Так я и ответил, но живется ей действительно тяжело. Прежде всего, материально. Мать больна. Отец сильно пьет. Жалованье ее в Музее Пушкина 70 рублей. А лет ей – двадцать. Всего-то: что ждет ее впереди?

18 февраля

С утра в ЦДЛ. Вопрос о вечере Гудзенко решен.

В 2 ч. заехал за Наталишкой, подприл ей книгу А. Цветаевой, и с нею в «Советский писатель», в ресторан, где Андрей Иванович накормил нас на славу, несмотря на то что ресторан был закрыт. Она мила, как всегда. Корысти я не вижу в ней. Грязные московские сплетни с самого начала стали вмешиваться в нашу дружбу. Они отравили представление о ней моей дочери, которая разъяряется при одном упоминании ее имени.

19 февраля

Прочел роман Фицджеральда²⁹ «Ночь нежна». Роман американский, но и европейский. Эпоха после Первой мировой плюс еще с десяток лет. <...> Международные богачи, не только американцы, но и англичане, французы, испанцы сшибаются лбами, любовями, пьяными скандалами, изменами, соитиями, как в большом борделе. Пока читал, я все время ждал решения, вывода, центрального лейтмотива хотя бы, так и не нашел. В результате дурной вкус во рту и полное забвение фабулы, хотя она и нехитрая.

Письмо от Аси Цветаевой милое и доброе, с цитатами из сказки о Державине. Заступничество за парня Валерика, который уже дважды у меня был. Условились что на будущей неделе встречусь с ним. И тут внезапно является другой парень, посланный Кавериным, философ с тяготением к лингвистике. Беззащитный абсолютно, 25 лет. Он обедал с нами. Сейчас ушел.

21 февраля

<...> Утром зашла Таня Калинина, взяла билет на вечерний поезд и смылась с горизонта.³⁰

Сегодня в Гослите. Контрольные вопросы корректоров. Наверно, это последняя процедура перед отправкой в Ленинград. Думаю, что III том выйдет не ранее апреля. Потом я в «Вечерней Москве» смотрел гранки своего интервью; они надеются печатать послезавтра. Вечером предстоит выступление о Блоке в ВТО. А завтра с утра опять Гослит.

Звонила Сашура: занята всякими конференциями. Еще больна, так что на вечер Блока не пойдет. Обещала звонить, зайти на неделе. Звонил Карло Каладзе – завтра встретимся. В полседьмого прислали машину из ВТО и я отправился на вечер Блока. Отчитал свое и сразу вернулся домой.

24 февраля

Встретился с Межировым в кабинете Филипова и мы окончательно установили афишу вечера Гудзенко на 16 марта: Луконин, Межиров, Левитанский, Долматовский, Алигер, Друнина, Вознесенский, А. Галинский, Ваншенкин, Д. Самойлов, актер Высоцкий (который читает стихи Гудзенко в спектакле «Мертвые и живые»). С большинством из них уже все ясно. Но многих надо найти, уговорить. Межиров будет помогать, обещал.

Заехал за Наталишкой и с нею к Белле. Наталишка существо сумасбродное, ее личные планы шатки и неопределенны. А вот деловое и профессиональное у нее выглядит как-будто ловко. Ее в любой момент могут вызвать в Шяуляй на работу в театре.

25 февраля

Все утро дозваниваюсь к тем, кто будет участвовать в вечере Гудзенко. Говорил с женой Вознесенского, и она обещала, что Андрей будет. Говорил с Каплером (муж Друниной), и он убежден, что она обязательно будет.

Вечером с Наталишкой на «Гамлете» на Таганке. Спектакль весь только режиссерский. Любимов – смелый, острый, быстрый в решениях мастер. Поневоле грубый, эскизный. Но это не от молодости (куда там...), а от дикого характера, от темперамента. Кажется, я знаю, как писать о спектакле. Видел там Лилю Брик с Катаняном и Карла с Гюльнаррой. Были еще люди, здоровавшиеся со мной, но не знаю, кто они.

Письмо от Кравченко. Письмо от Реймелиса – о моем выступлении в Вильнюсе в марте-апреле. Хочется уговорить и Беллу на такую поездку.

26 февраля

Нежданно-негаданно день отяготился и осложнился тем, что пришли один за другим мой давний корреспондент, никогда в глаза не виденный В.Г.Молеканов, а потом девушка, стихи которой дала мне Ия Саввина, – Галя

Умывакина³¹. И с обоими я мало того, что прикончил водку, но и грузинскую чачу. Как они оба, ушедшие вместе, не знаю, но я был сильно пьян и после их ухода спал как убитый часа три не меньше.

Вечером все трое: Кипса, Катя и я, – сидели у телевизора. Было занято.

27 февраля

Возвращаюсь к «Гамлету» у Любимова. Это очень талантливая режиссура, бесшабашно дерзкая в своей условности. Но если у Завадского в Достоевском такая условность подчинена идее, общему целому спектакля и Достоевскому, то Любимов дерзит напропалую. Если он и подчинен чему-то, то разве только собственному темпераменту. Что же все таки можно уловить, как руководящий принцип? Прежде всего, общий тон: все сплошь подслушивают и подсматривают друг за другом. Гамлет сам принимает в этом участие. Далее, бои на рапирах в финале сверхусловны. Гамлет и Лаэрт стоят друг от друга на расстоянии всего портала, но смертельная опасность условного боя только выигрывает – здесь новый секрет сценического воздействия.

И еще один секрет: спектакль действует благодаря объединённому актерскому ансамблю. Исполнители сами по себе довольно беспомощны. Высоцкий-Гамлет убедителен только в тихих, вполголоса, просто и спокойно произнесенных репликах и монологах. Как только начинает вопить во все горло, обнаруживается провинциальный трагик с охрипшим голосом. <...> Отвратителен Полоний – в очках почему-то, ни дать ни взять мелкий чиновник из какого-то главка. Никуда не годится и придворный шут, без тени юмора. Могильщики – тоже мальчишки без юмора. Лаэрт и Горацио больше, чем ничтожны: их нет как нет. Алла Демидова-королева могла бы, конечно, блеснуть, но у нее какая-то мелковатая, писклявая речь, нет глаз. Только крик боли, отчаяния, страха – та же провинция, что у Высоцкого. <...>

К сожалению, с отзывом на «Гамлета» я опоздал. В «Неделе» уже была рецензия. Конечно, я бы написал только хвалебную, ибо все, что записано здесь, не для печати: Любимова надо поддерживать во что бы то ни стало: и ради его смелости, и ради молодости труппы. Ещё потому, что этот театр, пользующийся огромным успехом у публики, все-таки изгой: его боятся наверху. В центральных газетах нет даже объявлений о его репертуаре, о том, что идёт сегодня или завтра.

Сегодня вернулся от Зои из Вострякова. Кажется мне, что стела покосилась налево. До мая ничего предпринять нельзя. В следующий раз, когда поеду, необходимо взять отвес: веревку с грузилом.

А сейчас только что проснулся от двухчасового сна. В самом конце его к моему изголовью подошла Зоя. Сначала я не знал кто это, но поднял руку, почувствовал ее коротко остриженные волосы, заплакал, что не могу проснуться, и проснулся. Такой реальный сон, правдоподобный во всем. Впервые во сне я забыл о том, что Зои нет на свете.

Была Таня Глушкова. Мы с нею хлебнули по малости. Мне близки многие ее суждения и взгляды, ее позиция в жизни и в поэзии, но чуждость ее остается в силе и перевешивает все остальное.

28 февраля

У Беллы большая беда. Вчера ночью она и Эльдар бродили где-то в парке около ВДНХ, и на них напала хулиганская банда. Бедный Эльдар тяжело избит, раны на голове, кажется, поврежден нос. Ночью они были в Боткинской больнице. Сотрясения мозга нет, раны на голове как-то заштопаны. Ему придется лечь в больницу на какое-то время. Милиция прибыла с опозданием. Банда, разумеется, смылась. Философствовать по этому поводу нечего, но Боже мой, почему именно у Беллы такая беда – в самый разгар ее новой любви, когда она была так редкостно спокойна, счастлива... <...>

Звонил приятель Сашуры, служитель ВКШ (Высшая Комсомольская Школа. – Сост.): она действительно серьезно расхворалась, лежит в ангине – просила об этом передать мне. Так я и чувствовал по предыдущим ее появлениям, по ее подавленному состоянию, и по тому, что так долго она не давала знать о себе.

29 февраля

<...> Долго пробыла Стацинская, делающая интервью для «Литгазеты». Я заново его переписал, она тут же отстучала текст на моей машинке и отослала в редакцию. Принесли гранки рецензии на книгу Тани Глушковой. Всё в порядке, за исключением странных кавычек, расставленных как попало, да еще отвратительное слово *поэтесса*. Все это я убрал, но когда рецензия пойдет, не знаю.

Заботы и тревоги о вечере памяти Гудзенко 16 марта. Телефонные переговоры о тексте афиши, о портрете на билете. Саша Межиров еще утром обещал мне быть в ЦДЛ и говорить обо всем с Филипповым, но этого не сделал. Не мог добиться я и Беллы: то телефон занят, то никакого отклика.

<...> Приходил трубочный мастер Киселев из Ленинграда, принес еще одну починенную старую трубку мою. Так что хозяйство моё все пополняется. А починил он штук пять. Говорил с Беллой. Она несколько успокоилась, берет Эльдара из Боткинской домой, нашла врача-специалиста, который и операцию сделает, и все дальнейшее возьмет на себя. <...>

1 марта

Ночью в вагоне «Красной стрелы» неожиданно познакомился с Володей Рецептером³², артистом БДТ. Эта встреча имела интересные последствия. В Ленинграде меня встречали Милена Рождественская и Таня Калинина. Гостиница «Московская» сама по себе вполне приличная, но номер очень труден для моей хромоты: приходилось и подниматься на II этаж, и спускаться на обратно на первый. По бесконечным коридорам приходилось проходить в день не меньше километра.

Поехал к Вс. Рождественскому. <...> С ним совершили великолепный рейс: Васильевский остров, Морские ворота, Тучков мост, Малая Нева и, наконец, Медный Всадник. Вечером пришли две Тани: Калинина и Глушко. Вторая читала

интересные стихи. Вечером же звонил Рецепттер и предложил выступить перед группой БДТ, чему я очень обрадовался.

2 марта

Звонил Белле в Москву. У нее новая беда: у Анечки краснуха. Так что два больных в доме. Но Эльдару уже сделали операцию. Ко мне звонил Миллер, предложил устроить большой мой вечер в доме писателей в апреле. Вот что мне очень по сердцу.

3 марта

Разговор в «Неве» обнаружил полную растерянность редакции. Не потому что вещь велика по объему. Их пугает (именно так!) вся драматургическая часть. С другой же стороны, пугает публикация отрывка в «Смене». Они и первыми хотят быть, и оплошать боятся. Редактор А.Ф.Попов – типичный захудалый чиновник, околообкомовский работник без своего мнения, без выражения лица. <...> Я согласился на вариант «Невы» назвать всю их публикацию «фрагментами из поэмы», а в «Смене» назвать драматический кусок «еще одной сказкой времени», т. е. как бы отключить его от поэмы, сделать это в угоду «Неве».

Вернувшись в гостиницу, хотел было отдохнуть и поспать, даже седуксен принял. Но испытанное огорчение в «Неве» дало знать о себе тем, что ворочался с боку на бок, так и не заснул.

Скоро пришла Таня. Мы дождались машины из театра и вовремя явились туда – как раз навстречу публике, выходящей из театра. Выступление началось ровно в 11 часов вечера. Читал я много и все время чувствовал контакт с аудиторией: и слушали взволнованно, и аплодировали изрядно, и смеялись весело, когда надо.

4 марта

Вскочил в 9 часов – разбудил какой-то звонок, а то спал бы и спал бы. Скоро пришел Борис Борисович Томашевский³³ с переводами английского поэта Дж. Дона. Я не англист. Слушал переводы гостя просто как стихи. <...> Ленинградские редакторы почему-то считают, что я где-то и когда-то дурно отзывался о его переводах. Это сплошной вымысел: никто никогда и ни о чем в связи с ним не спрашивал меня. Я и в глаза не видел этих переводов.

Днем долго был у Володи Орлова. Он читал много своих стихов разных лет. Он настоящий и очень самостоятельный поэт. Ни одно из читанных стихотворений не может быть напечатано. Так что они останутся невеселым документом и эпохи, и трудной жизни автора. Содержание стихов – горечь и боль за русскую поэзию, сознание непоправимости всех наших трагедий (Есенин, Маяковский, Марина); всюду точны формулы, замечательный язык, высокое достоинство старого петербуржца и ленинградца, выросшего в атмосфере благородства и чести. Он очень одинок.

Незадолго до отъезда пришел В. Рецептер. Я приготовил бутылку гурджаани и апельсины. Он читал свои стихи, в которых много хорошего. Особенно в тех, которые посвящены шекспировской эпохе. Он проводил меня на вокзал, к самому вагону.

5 марта

Я в Москве и начинается обычная жизнь. Ленинград же навсегда останется для меня лучшим городом в мире.

Груда писем. Звонил Карло Каладзе: завтра его записывают для передачи по телевидению. Просил меня «вести» это, сказать несколько слов в начале и прочесть свой перевод. Конечно, я не мог отказать Карло.

16 марта вечер Семена Гудзенко. Оказывается ряд самых нужных участников разлетается кто куда, за всякие рубежи: в Венгрию, в Чехословакию и т. д. Между тем, Филиппов уверял меня, что «всё в порядке». Да, всё в порядке с афишей, с распределением билетов. А вот как насчет состава участников, чьи фамилии красуются на афише?! Этого Филиппов не знает. Недопустимая безответственность! Мне предстоит крупный разговор в ЦДЛ.

6 марта

С утра телевидение в Останкине. Мы явились точно и все сразу: Карло Каладзе, Белла, Саша Межиров, Ст. Куняев³⁴, Вл. Луговой³⁵. Мне пришлось вести: представлять самого Карло и всех остальных, а потом самому прочесть перевод его стихотворения. Разумеется, Белла была выше всех похвал. Саша на своей машине отвез ее и Куняева домой, а мы с ним поехали в ЦДЛ – я внимательно проглядел проект афиши вечера Гудзенко: она вполне импозантна и, кажется, должна привлечь народ.

Потом Саша обедал у нас. Мы говорили о многом: о Тани Глушковой, о Белле. Он не то что парадоксалист, а просто намертво сужен в своих представлениях о поэзии: отрицает Марину и Ахматову, это одно из проявлений узости. Ещё совершенно отрицает Петра Великого и все его дела в России. Таких завихрений у него множество.

Интервью со мной уже напечатано в «Вечерней Москве». Но Боже ты мой, какая идиотская ошибка! Книга Глушковой приписана Калининой! Пришлось мне спасти свою репутацию и честь газеты. А для Тани Глушковой устроил интервью на 9-ое марта в редакции «Лит. газеты». Так что я продолжаю свое вечное дело: работаю на тех и за тех, за кого хочу и должен.

7 марта

Рецептер приехал сегодня и сразу по приезде позвонил. Вечером иду на его концерт в Зале Чайковского.

Был у Ильина в ЦДЛ, выяснял, почему в вечере Гудзенко невозможно участие Окуджавы и Высоцкого. Причины такие: оба публикуются в зарубежных издательствах. Администрация надеется, что отсутствие этих популярных имен не

отразится на количестве народа на вечере, как же - как же.... А впрочем, пусть и меньше будет людей, разве это важно?

Вечером с Таней Глушковой (которая ухитрилась на этот раз не опоздать) в Зале Чаковского на концерте Рецептера. Вся первая часть просто великолепна! И разговор книгопродавца с поэтом, и «жил на свете рыцарь бедный», и сцена из «Фауста», и, наконец, «Адская поэма», – все талантливо, все артистично. Вторая часть значительно слабее. «Моцарт и Сальери» настолько плотно сжат, так густо написан, что вообще, наверно, невозможен в любом исполнении, а я видел их множество: от Станиславского с Гейротом, Журавлёва, вплоть до Смоктуновского с Симоновым.

После концерта мы зашли к нему в номер «Пекина», пили красное вино смешанное с шампанским. Рецептер мне решительно нравится. Случайная встреча в вагоне – и вот поди ж ты!

10 марта

<...> Уже появилось 18 чистых листов III тома. Но все это находится в руках корректоров и производственного отдела.

Пришла Сашура очень усталая, измученная. С её матерью плохо. Самые ужасные предположения оправдываются – рак кишок. Сашура глубоко потрясена и несчастна.

Звонил Ершов из телевидения: моя запись завтра. Представляет меня критик А. А. Михайлов. Он тоже звонил и мы с ним обо сем договорились. Теперь мне надо готовиться к завтрашнему, пить инжир с молоком и учить стихи наизусть. Звонила Таня Глушкова, у нее уже были из «Вечёрки», взяли интервью. И у меня в «Литгазете» идёт интервью в связи с поэзией Закавказья.

Приходил В. Россельс, принес свой долг Кипсе, обедал у нас. Конечно, разговор о Белле. Он утверждает, что еще никогда за последние четыре года Белла не была так счастлива, в такой форме, творческой и всякой другой, как сейчас. Говорит, что Белла за это время пополнила на 6 кило. Не знаю, верить ли всему этому.

От Галины Умывакиной, протеже Ии Саввиной, пришли милое письмо со статьёй о Саввиной, очень содержательной, и сборник стихов воронежских поэтов. А потом она и сама позвонила из Воронежа, приглашает выступить у себя на Дне поэзии 25 марта. Но для меня, кажется, это сверхнагрузка.

11 марта

Вот и записался я на телевиденье. Прочел два стихотворения – «Маяковский» и «Электрическая стереорама». Вместе с выступлением критика Михайлова и моими репликами всё заняло 30 минут. Тут же посмотрел запись: снова много размахиваю руками и видно, что иногда вспоминаю текст. Наверно, что-то придется снять. Вскоре предстоит мне читать стихи Пушкина в Пушкинском музее на Кропоткинской. Я просил, чтобы договорились ещё и с Беллой. Голос был у меня достаточно чистый, когда читал стихи, но в репликах совсем хриплый, старческий.

Заходил Лесневский, показывал множество фотографий блоковского дома в Шахматове в разных ракурсах. Дают возможность построить точно такой же дом (деревянный, штукатуренный). Есть и планы размещения всех комнат. Все это материал неоценимый. Надо добиваться нужных средств в московском обкоме. Всего 20 тысяч.

12 марта

Напечатал пять страничек о Твардовском – для «Дня поэзии». Договорился об этом с Куняевым, на этот раз главным редактором «Дня». Использовал все, что было написано о Твардовском в моем докладе на симпозиуме в Академии Наук еще в декабре 70-го, и кое-что прибавил. Звонил к директору Пушкинского музея, Крейну, насчет чтения стихов Пушкина поэтами.

Стацинская еще раз принесла гранки интервью для «Лит. газеты» и еще раз я обнаружил вопиющее невежество этого печатного органа: оно одинаково и в сокращениях, и во вставках, которые бессмысленны. <...>

13 марта

Заехал в театр за Юрой и мы отправились к Бахтину³⁶ в Переделкино. Встреча и знакомство с ним для меня событие. Это старик аскетического вида, калека (без ног), худой и глуховатый. Когда он снял очки, стали видны его сияющие, голубые глаза. Он курит полторы пачки сигарет в день. Нельзя сказать, чтобы он был словоохотлив, но на интересное ему отзывается живо. Таким интересным оказались мои упоминания о Ницше и его книге «Происхождение трагедии», о Шпенглере и, что неожиданно, о Витебске и Вильнюсе. В Витебске он читал курс мировой литературы в 1919–1920 годах. Вильнюс хорошо знает и любит. Я привез ему два своих тома и «Сказки». Оказывается, он меня знает, читал.

На обратном пути я завез Юру домой. В театре видел Ию, мою телеграмму получила, но умудрилась и тут съязвить, что я нарочно уехал в Ленинград, чтобы не тратиться на подарок ей. Вот стерва.

Жду с обедом Татьяну. Приехала. Пока мы обедали и пили оба (умеренно) водку, все было хорошо. Но когда я стал убеждать ее в том, что Гудзенко и Луконин – настоящие поэты, обнаружилось, что мы прямо противоположны друг другу. Обнаружилась глухота всего этого (Таниного) поколения, то ли опоздавшего родиться, то ли еще хуже.

14 марта

Больше месяц назад Олег Лозовецкий подарил мне книгу Моруа о Гюго, я читал ее давным давно в подлиннике и многое взял в ней, чтобы раскрыть свою статью о Гюго в III томе. Сейчас читаю в русском переводе и вижу то, что не заметил раньше: крайний эгоизм Гюго по отношению к самым близким, особенно к Джульете, двойственное отношение самого Моруа к своему герою, двойственность, не мешающую восхищаться им. Вообще французы молодцы! Они

переносят на бумагу любую сложность, любую двусмысленность своих пристрастий. Для этого им не требуется исповедального характера Достоевского, а самая что ни на есть разудалая откровенность, ловкость ремесла. Это лучшая из романизированных монографий Моруа, самая пылкая и живая. Все-таки, в конечном счете, он любит Гюго, как человеком. Да ведь и есть чем любоваться! Несмотря на то, что очень часто он отвратителен в этой книге. Образ тройственный: великий поэт, идеалист; распутный фавн, особенно на старости лет; чуть ли не Грандэ. Все вылеплено у Моруа и безжалостно и снисходительно. Такому искусству рассказчика можно позавидовать.

С утра в ЦДЛ, взял билеты и афишу на вечер Гудзенко. <...>

Дома нашел письмо от Наталишки; все в порядке, и письма мои получила, и деньги и ждет так же, как я, апреля в Вильнюсе. Тут звонок: Инна! Явилась, за ней – Белла и Эльдар с вполне благополучным носом. Мы прикончили бутылку водки. <...>

15 марта

Звонил Володя Рецепттер, вскоре приехал и подарил все свои пластинки с записью Гамлета. Опять он снимается и озвучивает сам себя. Обедал у меня, пили кофе. А у нас разгар ремонта в передней.

Кайрамская из «Нового Мира» звонила, что Косолапов просит сокращения еще на полторы страницы. Я предложил снять все о Горьком, поскольку это было в 1965 году и уже напечатано в том же «Новом Мире». С моей стороны это подвох: Косолапов явно закобенится, но я не сдвинулся с этой позиции.

Все время соображаю: что и как говорить завтра на вечере о Семене? Вступительные слова редко мне удаются.

16 марта

С утра мысли только о вечере: как построить свое вступительное слово о Семене Гудзенко. Кое в чем помогли Лариса, Саша Межиров, Галинский.

Курьер из издательства принес сигнал III-го тома. Вот он на столе с ещё липким и влажным переплетом. Я проглядываю наугад эти 536 стр. и пока никаких бед не обнаружил. На этот раз хорошо постарались корректоры – опечаток нет. Но мне еще придется попотеть над книгой!

Звонили многие и о разном. В 1973-ем году исполнится 70 лет Заболоцкому. Будет издан сборник воспоминаний. Каверин и Николай Чуковский уже написали. И я, разумеется, напишу о нем. Но предприятие это как-то выглядит любительски. Нужна деловая заявка на такой сборник. Обратились к Тихонову, и тот с бюрократическим величием ответил, что в издательство следует идти, когда будут готовы его, Тихонова, воспоминания. Я сильно вспылел. <...>

Кого бы я ни спрашивал, все считают, что вечер Семёна Гудзенко прошел очень хорошо. Выступавшие просто сплелись душевно, а каждый, между тем, говорил за себя. Прочли много стихов самого Семёна. Аудитория слушала напряженно и внимательно. Народу была тьма – столько, сколько на моем ноябрьском вечере. Много седых и лысых. Из выступавших никого выделить я не

могу. Михаил Львов³⁷ плел ерунду, но зато и рассмешил людей. Хелемский³⁸ читал перевод прекрасного стихотворения Леонида Первомайского, стихи посвящены Семену. Еще были милые неожиданности. Записки были глупые, одна: «Где же родные, почему их нет в президиуме?» К сожалению, Луконин не выступил: температура.

17 марта

Вчера вечером звонила Лариса (вдова С.Гудзенко. – Сост.), очень благодарна за вечер. Говорил сегодня с Межировым, Хелемским. Надо сказать, Хелемский был одним из украшений вечера, он читал свой перевод стихов Первомайского и боялся их длинноты, поэтому спешил и благодаря этой гонке нашел нужный темп и ритм. Возмутил меня Самойлов: все время сидел рядом со мной, бубнил, что не может выступить и вдруг сорвался и оставил записку: «Вы забыли меня выпустить на блоковском вечере и теперь не хотите, я ухожу». Может, он пьян, не знаю. И ни на каком блоковском вечере он не был. <...>

То, что ЗОИ НЕТ, настолько ужасно, что тут не хватает никаких слов. Как представить себе, что Зоя не была на вечере Семёна, не читала моих «Сказок» или последнего романа Хемингуэя, не видела «Преступления и наказания» у Завадского? Разве можно найти этому объяснение? Я ценю Кипсу, но когда серьезно вдумуюсь в то, как она хозяйничает в Зоиндоме, самые черные и подлые чувства обуревают меня.³⁹ От них хочется бежать, но куда? Только в землю в Вострякове. Больше некуда.

18 марта

В Ленинграде, в той же «Звезде», где напечатаны мои стихи, – есть повесть Зощенко, еще не публиковавшаяся. Она резко и решительно не понравилась мне, хотя, очевидно, вполне искренна и очень добросовестна. Он подробно рассказывает о собственных неврозах, разбирается в их происхождении, в чем-то полемизирует с Фрейдом, но сам остается в плену психоанализа, разве что отрицает эротическую подкладку своих неврозов. К тому же это совсем не «добротная русская проза», как аттестует ее автор предисловия к посмертной публикации, а скорее всего дилетантский очерк на тему, выгодную для психиатра, но презренную для писателя! Называется эта вещь «Повесть о разуме». У меня такое впечатление, будто бы проглотил живую лягушку вместо яблока, как это случилось с мальчиком в анекдоте. Михаил Зощенко – это сногшибательный юмор, великолепный язык, передающий все интонации пошляков и дураков. Здесь он силен – почище Булгакова. А его прикосновения к так называемой науке всегда беспочвенны и бесплодны. Что ж такого, что страдал он от необъяснимых страхов, портил ими собственную жизнь и окружающих еще больше. Слава богу, <...> вылезился, прожил то или другое количество лет, – наверно, мог бы и должен был бы прожить дольше. Если что и подкосило его, то это было в 47 году – известное решение Сталина и Жданова, когда Зощенко и Ахматова оказались вне литературы. Можно понять, что об этом тяжелом времени ничего не говорится сейчас. Правда и Бергольц и Симонов когда-то очень круто и правдиво говорили о

несправедливости этого решения ЦК ВКК (б.), но как же им влетело за неуместное вмешательство! Этого тоже не забудешь.

Сегодня в «Комсомольской правде» очень маленькая заметка о вечере Гудзенко. Смешно было бы, если бы «Комсомольская правда» не откликнулась на этот вечер! Ася Цветаева вернулась из Таллинна и Ленинграда, несколько дней пробудет в Москве и спешит в Павлодар – есть оказывается такой город в Средней Азии.

19 марта

Утром у меня была одна только забота – уломать как-нибудь Беллу, чтобы она тоже выступила со стихами Пушкина в музее на Кропоткинской. Из этого ничего не вышло: она жалуется на усталость, на домашние заботы, на нездоровье. <...> Ну, Бог с ней. К сожалению, будет <...> поэтесса Лариса Васильева.⁴⁰ Будет и Лида Лебединская⁴¹, но она не поэт, слава богу, только ведет вечер. Значит, будем мы с Сашей Межировым вдвоём. Мой репертуар пополнится песней Вальсингаша. Остальное – все, что уже было. Через час должен за мной приехать Саша.

Само по себе это действие в музее Пушкина прошло интересно и довольно разнообразно. <...> был еще поэт Сухарев⁴² (никогда ничего не слышал о нем) и Левик, которого я с удовольствием не слушал. Потом в маленькой артистической комнатке пили белое вино и чай с кексом. И в заключение А. З. Крейн бегло провел по музею. Оказывается, Межиров никогда в нем не был. Я с охотой разделил со всеми этот пробег.

Вечером звонила Лариса, позвала к ним завтра вечером. Завтра же предстоит Гослит и, очевидно, «Новый Мир».

20 марта

Почти два часа просидел в Гослите с Лидией Михайловной, сокращая IV том. Выброшены статьи об Алигер, Матусовском и весь дневник писателя. Сильно, чуть ли не вдвое, сокращены «Некоторые итоги». Том будет тощим, страниц 350 от силы. В «Новый Мир» я так и не пошел, ибо с утра по телефону договорился с Кайранской: она уже сняла два абзаца о Горьком и весь конец насчет тиража и тиражей.

Вечером, ненадолго заехал к Белле, найдя ее превосходной, счастливой, чуть ли не блаженной, в окружении уже двух Эльдаров (второй родственник первого).

Я явился к Ларисе точно в 8.30 вечера. Скоро пришел Галинский с женой, потом Костя. Мы очень хорошо сидели за столом; много говорил Галинский, но я по мере сил тоже не молчал. Лариса предложила почтить память Зои, говорит, что весь вечер Семёна думала о Зое. Костя подарил мне четыре тома Блока 1916 года издательства «Алконост». Сейчас 12 ночи. Я вернулся с чувством того, что есть на свете друзья вечные и лучшие. Первыми из них я назову Костю и Ларису.

21 марта

Читаю пьесы англичанина Джона Ардена.⁴³ Это очень занятно, язвительно, верх гротеска. Даже в чтении трудно удержаться от смеха. Но что за этой причудливой выдумкой, пока не понимаю. Впрочем, их переведено всего три. Автор послесловия ссылается на множество других. Но из всего того, что я знаю в современной западной драматургии, выше всего остается для меня Ануйль.⁴⁴

Из «Огонька» прислали верстку «Король забавляется»⁴⁵. Там выходит Гюго. В первом томе есть мои переводы и лирика.

22 марта

Утром еще раз просмотрел верстку драмы Гюго и, конечно, обнаружил кучу ошибок, а кое-что и переделал. <...>

Взял свою пенсию за март. Немного побыв дома, поехал к Асе Цветаевой. Она словоохотлива, бойка не по летам. Читал у нее письма ее школьных подруг Гали Дьяконовой и Анны Калин. Первая была жена Поля Элюара, а теперь – Сальвадора Дали. Обе они в детстве были мне хорошо знакомы по своим братьям.

Дни эти мелькают и не оставляют следа. Кажется, что вечер Пушкина был бог знает когда, а вечер Гудзенко чуть ли не месяц назад.

23 марта

Только что вернулся из Переделкина. Были с Юрой у М. М. Бахтина. Пробыли около часа, но на этот раз мне не удалось особенно интересно поговорить с ним: речь шла о квартире для него рядом с поликлиникой Литфонда. Володя Огнев, отдыхающий в Переделкине, рассказал, что говорил об этом с Ильиным и тот развил бурную деятельность чтобы обеспечить квартиру великому старику. Я всегда знал, что Ильин – человек и добрый, и проницательный.⁴⁶

24 марта

Только что сотрудники Пушкинского музея увезли скульптуру «Медного всадника», латунную тарелку и его портрет. Они испокон украшали мою комнату. Но кому оставить это, как не Пушкинскому музею? Для меня только честь, что экспонаты будут в музее. Мой «Медный всадник» – бронзовый отлив первой модели Фальконе; всадник и скала бронзовые.

Звонил Крейн. «Медный всадник» требует серьезного ремонта; он дважды был уже покрыт какой-то краской. Ее необходимо снять, чтобы уберечь металл от гибели, а потом все покрыть лаком. Это стоит 100 рублей. Музей готов их ассигновать. Конечно, я согласился.

Ильин, в противоположность Володе Огневу, не слишком убежден в возможности отстоять квартиру для Бахтина. Тут через Маркова вмешались очень серьезные силы: Кириленко⁴⁷ просит эту квартиру для какой-то своей родни и обещает за это ремонт дома. Но Ильин не теряет надежды. Он может и сам достать материалы для ремонта.

27 марта

Утром письмо от Сашуры, очень горестное. Очевидно, ее мама безнадежна. Кончила письмо словами: «Пожелайте мне невозможного».

Ровно в 11 ч. был у Кати Заболоцкой и подписал письмо насчет книги воспоминаний о Николае, уже подписанное Кавериним, Слуцким, Степановым. Но этих подписей мало. Надо, чтобы подписали Симонов и Сурков. От нее (благо, тот же подъезд) поднялся к Наталишке. Мы прочли с ней сцену из «Робеспьера». Она хорошо воспринимает мои советы. Лишь бы выучила наизусть, и в Вильнюсе, конечно, мы блеснем этим неожиданным номером программы. У Наталишки мелковатая дикция, но я надеюсь кое-чему научить ее. Да она и сама все хорошо понимает.

Далее был в ЦДЛ, отдал П. Вегину кусок из поэмы. Потом отправился в редакцию «Наука и жизнь» и сделал добавление к «Большой Москве» для июльского номера. Вернулся в 3 часа. Обедал. На этом деловой и лирический день закончился.

Совсем неожиданно позвонил из «Недели» отв. секр. Корнилов: «Павел Григорьевич, выручите, выступите с нами в Доме ученых». Дело происходило за час до начала. Я не кобенился, они прислали машину и я прочел «Застольную», «Пушкина» и «Балаганного зазывалу» – как всегда, на ура.

28 марта

Несколько часов пробыла у меня Наталишка. Начала она с того, что осмотрев все, что имеется на кухне, разогрела себе картошку и мясо, аппетитно все это съела. Мы еще раз прочли с нею сцену Робеспьера и Горгоны. Она – артистка и хорошо схватывает все, то я ей предлагаю. Но привычка к писклявому, тонкому голоску мешает. Правда, она тут же нашла более низкий и грудной голос. Она лучше, чем треплются о ней злые идиоты. <...>

Из редакции «Невы» пришли замечания на поэму, весь её текст и договор, обязывающий редакцию печатать поэму с июльского номера. Цена подходящая: 1 р. 70 к. за строку. Замечаний мало. Некоторые из них я легко учту. Обо всем написал Всеволоду Рождественскому.

И вдруг совсем неожиданный звонок – Лида Жданова. У неё какая-то командировка. Завтра едет в Зеленогорск, но будет жить в Переделкинском доме творчества. Таня Глушкова тоже там. Думаю, что мне удастся съездить туда.

Варвара вернулась в 10 часов вечера. Вот тут я и пообедал.

1 апреля

На дворе солнце и на термометре +5 °. Днем будет +10 °. Я один в доме. Проснулся как штык в 8 утра. И отчего-то беспричинно в деятельном настроении.

Жалко что уже послал в «Неву» поправки к поэме: может быть сегодня сделал бы их интереснее, изобрел бы что-нибудь. Лучшие правки приходят в голову уже когда читаешь гранки.

<...> Во мне непрестанно звучит какой-то отчетливый ритм. Когда я читаю, то произвольно по фразам читаемого отбиваю как бы музыкальный такт на две или на три четверти. Это значит, что в самом мозгу стучит эта машинка пульса. Раньше такого никогда не бывало. Вывод: надо утихомирить это въедливое и нездоровое напряжение – но чем, как? Может быть, больше спать? <...>

Но вот день и кончается – длинный и пустопорожний. Впрочем, нет. Я почти дописал статью о Межирове для «Лит. Грузии». Звонил и Наталишке, и Тане Калининой, и Вл. Орлову, который в понедельник будет в Москве на редсовете Гослита – нам вдвоем предстоит драться за Блока. В «Новом мире» интересные новые документы о гибели Пушкина. Они очень хорошо комментированы.

2 апреля

Итак в полпервого отправился я в Переделкино, в гости к Тане Глушковой и Лиде Ждановой, привез бутылку водки, для Тани – вчерашнюю «Вечерку», где напечатано интервью с ней, для Лиды – роман Фр. Кафки, который они видели в Пскове и в Михайловском. Они уже заказали обед и для меня и для Николая Павловича.

До этого мы все в машине подъехали к станции, к магазину, и купили там бутылку сухого белого и сидр. Все это винное богатство было наполовину уничтожено еще до обеда, вторая половина осталась на обед. К нам присоединился Геннадий Мамлин, потом Илюша Фейнберг⁴⁸ и еще пара, муж и жена, знакомые Тани.

Оттуда я отправился сильно во хмелю на Пахру и через очень недолгое время, в 5 часов, всей оравой: Кипса, Катя, Андрей с Денисом, – мы вернулись в город.

И эти бедные полчаса на Пахре, в крепком, благоустроенном доме, который лучше меня помнит жизнь, которая была в нем с 1956 года до 1968 года, этот милый, осиротевший дом как всегда поверг меня в такое отчаяние, о котором и не расскажешь. Я привез оттуда на улицу Щукина Зоину Альциону и две маски, чтобы подарить Белле в день ее рождения 10 апреля. И утомительный, резко разделенный на две таких разных части, день кончился. И чем больше любят меня, тем больше говорят об этой любви, тем более одиноким и потерянным в мире я себя чувствую. И так будет всегда. Выход один – работа до одурения. Но ведь она ладится далеко не всегда.

3 апреля

День во всем противоположный бурному вчерашнему. С утра сижу в халате, не бритый. Закончил статью о Межирове. В ней двадцать рукописных страниц. Из «Огонька» прислали верстку тех переводов, которые вошли в тамошний том. Я очень быстро прочел ее и вскоре за ней снова прислали курьера.

Приехал Володя Орлов. Плохи наши блоковские дела, очень плохи. Даже два тома воспоминаний о Блоке где-то в резерве плана. Послезавтра редсовет в Гослите. Мне придется говорить зараз о многом: Блок, Г. Фиш, Марина, Белла.

С многими говорил по телефону, вечером – с Беллой. Она звала к себе, кто-то сидит у нее. Но час поздний, машины нет, лень двигаться.

Читаю довольно глупую американскую фантастику. Но когда посмотрел на титул своей глупой фантастики, то прочел «перевод с французского». И все заиграло для меня другими, противоположными красками. Э, нет: это совсем не глупо! Это и Сирано де Бержерак, и может быть, сам Свит!!!

4 апреля

Утром звонили из Переделкина Лида Жданова и Татьяна. Если Лида точно пойдет со мной послезавтра в театр Вахтангова, то Танька неизвестно почему «еще не знает». Но я уговорился, что обеих жду в 6 часов вечера. Звонила Таня Калинина: ей предстоит в субботу выступать в университете со стихами.

Вернулась Кипса и я поехал в Гослит: обещано скалькулировать мой IV том. Отправил письмо немке. <...> Перевел Наталишке сотню. Ей же отправил письмо. <...>

Лидии Мих. не будет на работе до понедельника. Значит, всю эту неделю IV том пролежит впустую, без движения: гослитовская машина снова показала свое глупое лицо. В Ленинграде всеми делами издательства заправляют три-четыре человека и отлично справляются с ними. А в Москве рук и голов не сочтешь! Но это наверху, по редакциям. Снизу в производственном отделе, у техредов, в бухгалтерии порядок есть, но и там во всем зависят от верхних этажей.

5 апреля

Говорил с Лесючевским по телефону относительно сборника воспоминаний о Заболоцком. Лесючевский обязан быть крайне внимательным, ибо в свое время сыграл весьма скверную роль в том, что Заболоцкий выбыл из поэзии на долгие, тяжелые годы. Лесючевский помнит об этом. Поэтому я более чем уверен в том, что на этот раз он сделает все, чтобы такой сборник существовал.

Был литсовет в Гослите. Я просидел всю его первую половину до 2 часов, слушал доклады директора Сомова, главного редактора Пузикова и нескольких еще: Казина, Сучкова. Сам я не выступал, но и о Глобе, и о Фише, и о Белле говорили и Казин, и Лукошин, и другие. Этого достаточно. Сейчас там идут совещания по секциям, по отдельным редакциям. Надеюсь, что все будет в порядке.

Получил от Богучарова перепечатанный текст отрывка из поэмы. Сегодня надо отдать его Вегину для передачи Куняеву. Сразу два письма от Вс. Рождественского и от Гольдичей. Обоим ответил и письма сегодня уйдут.

7 апреля

Итак вчера вечером в театре Вахтангова. Пьеса Александра Гладкова «Молодость театра» посвящена Вахтангову, нашей студии в 1920–1921-ых годах. Разумеется, мне было сложно справиться и с волнением, и с постоянно

возникавшими возражениями в мыслях и в сердце: нет, нет, дескать, все было не то и не так... Память была в жестком конфликте с впечатлениями, идущими от спектакля, от образов действующих лиц, от актеров. Конфликт необычный для театрального зрителя. И постепенно та, вторая, правда все-таки пересилила показания моей памяти. Если первую треть представления я буквально лопался от раздражения, то во II акте это совсем прошло.

Александр Гладков хороший драматург. Найденные им сценические положения верны и исторически возможны. Им показана молодежь 20-х годов, еще не театральная, но рвущаяся к театру. Главная ситуация действия – режиссер болен, а между участниками студии конфликт, и те, кто не выдерживает режима театральной работы, недостаточно верят в будущее студии, рвутся к более легкому продвижению в карьере, уходят. В спектакле все показано подлинно, драматично, свежо, и напряженно. В немногом, в отдельных частях, просматривается правда эпохи. Режиссёр Жека Симонов владеет всем нужными для постановщика инструментами. Он умеет воодушевить исполнителей, в большинстве своем, зеленую молодежь, хорошо, эффектно лепит основные мизансцены, знает, что такое ритмотемы в театре. Это искусство сегодняшнего дня, какое оно есть, не слишком заботящееся о глубине и многомерности чувств, зато яркое, как плакат.

Еще о вчерашнем спектакле. Ж. Симонов правильно сделал, что как ушатом выплеснул на сцену всю зеленую молодежь театра. Они безымянны, безлики, слабо индивидуализированы и поэтому легче подставлять какой угодно образ тогдашней студии. Напр<имер>, в 1922 году еще не было НЭПа с его атмосферой, с его кабаками. Это развилось в Москве после 1923 года, осенью, когда мы вернулись из Берлина. Евгений Богратионович умер в мае 1922 года и это был военный коммунизм. Но если время в пьесе и спектакле сдвинуто, то как раз это и дает ей напряжение и остроту сюжета.

Главный режиссер Дробузовский (его играет Кацынский) – это не Вахтангов. Больно непохож! Дело даже не во внешности. Он незначителен, фатоват, пошловат, мелок. Хотя ему и вложены слова самого Вахтангова, Кацынский – типичный молодой худрук средней руки, обожаемый девушками, и только. В нем нет породы. Его режиссерский талант не угадан. А кто в театре мог бы сыграть Вахтангова? Разве что сам Жека. Но ведь он – режиссер этого спектакля. Может быть, Граве?

Тут же, в антракте, вахтанговцы свели меня с Щербаковым и Смелковым из «Комсомольской правды» и мне было невозможно отказаться от предложения написать о спектакле в газете.

Со мною были Лида Жданова и Таня Глушкова. Первая мила и проста; вторая все дальше и дальше уходит для меня в прошлое. Я только чувствую, но не могу ни в чем конкретном доказать ее недоброкачественность или недоброжелательность, но дело обстоит именно так. Обои проводил до Переделкина.

Сегодня заехал к Володе Орлову, застал у него Кайсына, посидели в буфете, пили чай, я жажнул 100 г. коньяка, а потом проводил Володю на «Красную стрелу», как всегда, обуреваемый памятью о стольких, стольких встречах и расставаниях, о путешествиях с Зоей в этих же красных вагонах, о приездах в

Ленинград, о гостиницах, бог знает, о чем еще за всю жизнь с 20-х годов до этого марта...

8 апреля

Утром зашел Ю.А.Газиев, с которым по программке спектакля вахтанговцев я уточнил фамилии понравившихся мне исполнителей. Вслед за тем, почти сразу пришел некто Дувакин, записавший мои рассказы о далеком прошлом (Вахтангов, Блок, Брюсов, моя личная молодость) на магнитофонную пленку. Он работает под началом ректора Московского университета, записывает таким путем многих и разных. Моя запись продолжалась около 3-х часов. Но он грозит прийти еще раз: мало ему! Его пристрастия по меньшей мере странны: ему нравятся заикания, обмолвки, позвякивание чайной ложки в стакане, треск зажигаемой спички, паузы – больше, чем содержание рассказа. Он полагает, что такой, с позволения сказать, документализм очень важен. Он считает, что в XIX веке от него, века, осталось больше документов (писем и мемуаров), нежели останется в нашем XX, несмотря на магнитофоны, телевидение, кино. Он убежден, что сейчас меньше пишут писем, мемуаров. И в этом он совершенно неправ.

Написал в СП Литовской ССР с просьбой уточнить окончательно даты моих «гастролей» в Вильнюсе.

Ночью мне снился нелепый, странный сон, с превращением моей сестры Мани в Зою, с арестом неизвестно за что и почему, с каким-то чекистом, считающим главной уликой большие ножницы у меня в руках... Часто просыпался, опять засыпал, а дурацкий сон продолжался. Что настроило меня на такой лад? Неужели рассказ Володи об отвратном поведении гниды Бонецкого, о его злобной речи по поводу воспоминаний о Блоке, о таком же выступлении Пузикова?... Черт знает, может быть, и правда – сон идет оттуда, из той грязи...

9 апреля

Всю первую половину дня писал статью о вахтанговском спектакле. <...> Я сказал Газиеву, что хочу предварительно прочесть статью ему и Жеке Симонову. Оба выслушали очень внимательно. Жека сказал, что покорен моей искренностью и во всем мне доверяет, но вступился за Кацынского, который играет Вахтангова. Он рассказал, как работал актер, как он сложен, какие у него увлечения (Врубель, Лермонтов), как он внутренне культурен и еще многое, важное. Я снял большинство своих возражений. По правде, мне легко это сделать, ибо судьба спектакля в целом слишком дорога мне. А завтра мне предстоит продиктовать эту статью машинистке в редакции «Комсомольской правды».

Вчера допоздна был у меня Николай Тарасов с новой своей книжкой, вышедшей в Армении. Дела его в связи с А.Галинским неважные: партийный выговор и отставка с поста редактора журнала «Спорт».⁴⁹ Тарасов – человек не менее сложный, не менее интересный, чем Саша Межиров.

Завтра день рождения Беллы.<...> А сегодняшний день угас. Пора спать. Мое спасенье только в одном – раз навсегда заведенном порядке.

Но Сашура... Милая, бедная Сашура... Где она? Жива ли еще ее мать? Я буквально разрываюсь на куски от жалости <...>. Звонил из Ленинграда Коля Браун. Он уже дома, понемногу оправляется после операции, к-рая прошла благополучно. Судьбы, судьбы: сколько их рядом, вплотную связанных с моей. Всюду беда и утраты. Что ждет впереди?

Позвонила Сашура. Только что скончалась ее мама. Она плачет. Везет хоронить мать в Великие Луки. Оттуда в Москву. Просил ее звонить или телеграфировать о дне приезда.

10 апреля

Утром я перевел по телеграфу моей родной Сашуре сотню рублей, а вечером сегодня от нее письмо писанное до того, как разверзлась над ней гроза. Письмо еще полно смутных надежд. И так письменность в наш век опаздывает и отстает от жизни

Письмо от Миллера, что мое выступление в Ленинграде – только 20-го мая. Я ответил полным согласием. Письмо от Тани Умывакиной из Воронежа. В районе 12-ти явился Щербаков из «Комсомольской правды» и отвез меня в редакцию, где я продиктовал машинистке статью. В 3 часа был дома, а в 5 часов отправился с подарками к Белле и вместе с нею и Эльдаром – в гостиницу «Москва» к Кайсыну Кулиеву, пошли в ресторан. Туда же пришли Адам Шогенцуков⁵⁰, потом какие-то девицы с радио, потом Роман Кармен с женой Майкой. Стол продолжал расти, не хватало мест. В результате я заплатил 75 рублей официантке, но все остались на своих местах. Белла и Эльдар довели меня на такси домой и опять в ресторан – продолжать это дикое, никому не нужное столоверчение.

Время длилось и длилось в дурной своей бесконечности, и сейчас только 11 ч. вечера и мне еще надо дожить этот сложный и пестрый день. Всем сердцем и всем сознанием я с Сашурой в эти страшные дни ее жизни. Знаю, что она человек сильный, но ведь потерять мать, сравнительно молодую, и потерять неожиданно – дело нешуточное. Сашура все это переживет и переборет боль утраты, но ведь и она молода. К тому же больна: всю зиму мучилась простудами, ангиной, бронхитом, ларингитами.

Со статьей в «Комсомольской правде» как будто все в порядке. Щербаков рассчитывает напечатать ее 14-го.

11 апреля

Вчерашнее застольное излишество сказалось на мне довольно тяжело. Утром хожу растерянный. Всё валится из рук, голова пустая.

Только что говорил по телефону с Лидией Михайловной. IV том требует сокращения еще на три листа после всех огромных сокращений, уже сделанных. Недолго думая, я снял театральные портреты: Станиславский и Мейерхольд, Завадский и Вахтангов. Снял для того, чтобы сохранить всех оставшихся современников-поэтов, «Силу Вьетнама» и заключительную итоговую статью,

тоже сильно урезанную. Том будет тощим. Не знаю, наберется ли в нем 500 страниц.

Звонили из Вильнюса из СП: мои выступления 25, 26 апреля. Дал на это согласие и тут же написал их секретарю, что никакого финансирования с их стороны не жду, просил забронировать номер в гостинице рядом с моим (для Наталишки).

От вчерашнего очухался после дневного сна. Сейчас 7 часов вечера. Письмо от Наталишки. Пишет, что учит мою «Циркачку». Прислала хвалебную рецензию на свой последний спектакль. Рецензия убедительна. С 17-го по 19-е будет в Москве на конференции.

12 апреля

Только что звонили из «Комсомольской правды», шлют гранки моей рецензии. Как будто она действительно идет послезавтра. Послезавтра же буду в Гослите вычитывать IV том. На Лидию Михайловну плохая надежда, она глотает «пол диагонали», ничего не видит. Между тем в IV-м есть буквальные повторения сказанного в III-м.

Роман Джойса Кэри «Из первых рук» – первый из читанных мною романов этого писателя. Оказывается, уже был издан какой-то другой его роман. Этот во всяком случае очень интересен и дико своеобразен. Судьба художника-живописца, новатора в буржуазном обществе. Увы, приходится признать, что в нашем и на наших глазах происходит гораздо худшее. Но в нашем втихомолку травят, душат, так что и писка не слышно. Там же, на Западе, в данном случае в Англии, можно написать роман о гибели очень одаренного человека, показать неизбежность его гибели. Показаны различные аспекты стихийного процесса травли. Кэри выбрал труднейший путь для такого показа: роман – это монолог самого художника, его шутки, каламбуры, его абсурды, его видение мира. Интересно, что такая форма не снимает объективности изображения. Оно остается многоплановым. Тут и богачи, и полисмены, и чиновники, и дети, и шлюхи, и жители ночлежки, и чудаки, и весь человеческий сор и шлак. Все попало в объектив. И если этот объектив – глаза неуравновешенного, чуть ли не полупомешанного старика-художника, несмотря на такую сложность, мир остается реальным, достоверным. И это – свидетельство таланта недюжинного, совсем особого. Да и время, эпоха перед самой Второй мировой, тоже попало в объектив, включая и Гитлера, и его английского подражателя Мосли, и бомбежку Варшавы и многое еще...

Сегодня Андрею исполнилось тридцать лет. Сейчас Кипса и Катя там, на ул. Вахтангова. Весь день я думал, что бы подарить Андрею, так ничего и не придумал. И Кипса – тоже. Андрей от всего отбрыкивается.

А семь лет тому назад, в 65 году примерно в это время вечера я лежал наверху в своей комнате на Пахре, у меня начался инфаркт. Кипса и Зочка ждали машины, чтобы везти меня в Боткинскую, и где-то ближе к ночи она пришла, Зоя сидела рядом со мною. И после того сто дней я пробыл в больнице. Зоя по два раза в день приезжала ко мне. Первые 10 дней, как потом я узнал, были очень тяжелыми. Третьего дня Белла вспомнила о том, как звонила с Пахры в больницу

узнать обо мне и ей ответили: «Если вы близкий человек, приезжайте». Я-то совершенно не осознавал своего положения, был в полузабытьи, не знал, как мучилась Зоя. Все это сказалось потом, в последующие годы ее жизни.

С тех пор, как угасла Зоя, прошло три года и четыре месяца или сорок месяцев или еще точнее, если считать високосный год, то тысяча двести дней.

13 апреля

День мог оказаться совершенно пустым, но с утра пришел Стасик Лесневский с очень справедливыми претензиями к телевидению. Там подготавливается телефильм о Блоке, Шахматове. Режиссер Хуциев⁵¹, но автором сценария приглашен какой-то неизвестный субъект. Лесневский чувствует себя обойденным и обиженным. Главное в том, что в его руках ценнейшие материалы и записи. Пока он был у меня, я пробовал связаться с Хуциевым. Пока не нашел его ни дома, ни в Останкине.

Далее пришел С. Фурман и принес фотографии вечера Гудзенко. Мы с ними приложились к кальвадосу (Яблочный бренди. – Сост.). Фурману я дал фотографию Зоинрой Горгоны, чтобы сделать слайды для выступления в Вильнюсе.

Только что звонил директор издательства «Современник» Прокушев и извинялся за всякие промедления: в книжке будет шесть листов, а не четыре. Кое-какие возражения (очень глупые) вызывают «Гроза в Тиргартене», «Гавриила Принцип» и «Смута». То есть они понимают их с черносотенной точки зрения.

Звонок также из изд-ва «Знание», которое берет на себя финансирование командировки: оплату билета и проживание в Вильнюсе. Сверх того, предлагают, чтобы я получил сорок процентов от сбора. Боюсь, что это слишком много и накладно для вильнюсских организаций.

Говорил по телефону с Всеволодом Рождественским. Обсуждение моих поправок еще продолжается в «Неве». Особенно их тяготит и смущает «состязание тупорылых наших, крылатых и бескрылых...» Люди не понимают, что здесь машины противопоставлены мозгу, т. е. человеку, без которого не было бы никаких машин. Вот изволь втолковать что эти безмозглые машины беспартийны, не фашисты, не враги, а просто стальные громады, равные друг другу по своей безмозглой природе!

Звонил Хуциев. Оказывается, он фильма о Блоке не ставит. Обещал в объединении «Экран» узнать, кто делает этот фильм.

14 апреля

Статья в «Комсомольской правде» напечатана. Она и выглядит хорошо и названа правильно: «В двадцатых – далеких и близких». Это находка редакции. День начался с этой маленькой удачи. А с меня как гора с плеч. Около 3-х часов был в «Гослите» и бегло, коротко просмотрел весь IV том, уничтожая в нем повторения того, что сказано в III томе. Насколько помогла память и сообразительность, сделал все, что мог. Заехал по указанному адресу в

политехнический музей и получил билет и командировку. Деловая часть кончилась.

Дома я здорово надрался. Были Белла с Эльдаром, Кайсын Кулиев с вдовой Бернеса⁵². Все, что можно, выпили, пили в основном вдова и я, ибо Белла с Эльдаром от всего отбрыкивались, да и Кайсын отказался от своих ста граммов. Была и закуска хорошая, и чай. Сидели поздно, потом было вызвано такси, и они развозили друг друга. Я пьян безнадежно. <...>

15 апреля

Вчера я опять переборщил с питьем, так что, прощаясь с гостями, чуть ли не шатался и держался за стену. Утром проснулся позже, чем обычно и дважды прибежал к валидолу. Как вывод: будь начеку! Предстоит Вильнюс. Там волей-неволей придется в компании пить. Я буду решительно ссылаться на режим, необходимый перед большими публичными выступлениями.

Около 2-х часов пришла Лида Жданова. У неё беды с книжкой в Риге. Неприятности типичные: новая главная редакторша требует снятия девяти из 86 стихотворений. Причины неясные или пустяковые. Требуется хоть полстраницы, писанные мною в защиту. Написал – постарался уладить эту беду, ибо твердо убежден, что она талантлива и отлично пишет.

Только что закончил американский роман «Великий человек». Автор – Эл Морган.⁵³ Страшноватая книга! Очень безжалостно и правдоподобно (почти документально) раскрывается кухня американского телевидения и радио скверная страпня, превращение «Великого человека» в мерзавца. Роман идет от первого лица. Это «я» – молодой человек, которого предназначили для смены «Великого человека», героя массовых передач, погибшего в автомобильной катастрофе. Все обнажено: и «зарабатывать кучу денег», и «я тебе, а ты мне», и «переспать с этой или с той», и чудовищно гротескный образ похорон погибшего, и заседания боссов, и бесчисленные секретарши-«секси». Роман короткий, как репортаж по дням недели, от понедельника до пятницы, с постоянно сверяемыми часами, минутами, секундами... Место действия – Нью-Йорк. Очень стоит внимания эта вещь. Некрасивые истины разоблачены в ней. <...>

16 апреля

Утром повез к Юре Завадскому мою «внучатную сноху» Милу, жену Андрея, на предмет возможности ее поступления в Театр Моссовета. Мила рвется именно туда, считает театр лучшим в Москве. Юра был очень приветлив. Я оставил их вдвоем; из другой комнаты слышал только Милин голос, значит он ее внимательно слушал. Аудиенция продолжалась от силы минут 10–12. Юра предложил ей созвониться с ним на будущей неделе, и он назначит ее выступление в театре.

Взял с полки том Алексея Николаевича Толстого, чтобы перечесть «Ибикус». Наверно не читал с 25-го года, когда она вышла в Гослите. Взял с умыслом ядовитым для меня самого. И верно! Все оправдалось. Эта вещь во многом когда-то перестроила меня самого. Обнаружилась перестройка далеко не

сразу, но во всей моей игре с временем, «Четвертым измерением» и особенно в «Сказках времени» какие-то дальние отголоски «Ибикуса» я замечаю. Какая-то тонкая нить пошла от этой очень талантливой повести, от ее безошибочного стиля: в языке, в сжатых характеристиках, в том, как нагадала цыганка всю судьбу скверного геройчика.

Только что звонила Наталишка. Начинается ее конференция в ВТО.

18 апреля

Милая, бедная Сашура! Приехала из Вел. Лук. Пришла к нам и подробно, ничего не упуская, не жалея себя, из всех сил крепясь, рассказывала Кипсе и мне обо всем пережитом, об агонии и смерти матери, о том, как она, Сашура, днями и ночами дежурила около нее, как приняла последний вздох, с какими трудностями была сопряжена перевозка тела покойницы из Ленинграда в Великие Луки, как помогал ей старый друг матери, как тяжело проходило погребение в Великих Луках. Она измучена, совершенно не может спать, ее преследуют всякие страхи, предчувствия. Характер у нее, дай бог, стойкий. Но в сущности это первое сильное потрясение для нее. Когда умер ее отец в Чите, она была 11-летним ребенком, но прошлое пятнадцатилетней давности, конечно, не сравнимо с этой новой утратой.

Потом я проводил ее до самых Вешняков на такси. В темноте видел корпуса новых зданий школы. Ей предстоит жить и учиться там еще больше года. Что дальше – не слишком ясно. Очевидно, Псков, молодежная газета. Я подарил ей III том.

Звонил директор объединения «Экран». Оказывается, фильм о Блоке только еще задуман, первый вариант сценария уже отвергнут и автору предложено его переработать. Съемка отложена на лето. Меня привлекают как консультанта.

Записал у Шилова⁵⁴ на пленку мою «Горгону». Есть некоторые несовпадения, разрывы в репликах. Но придется уже в Вильнюсе все это тщательно отработать.

Очень внимательно и придирчиво прочитав верстку моей статьи в «Новом Мире» о книге А.И. Цветаевой, убедился в том, что от сокращений она ничего не проиграла, особенно в части, связанной с Горьким. Все это выглядит и компактно, а главное очень комплиментарно по отношению к автору.

19–20 апреля

Был в «Правде». Вернулся домой к обеду. Спал. Написал длиннущее письмо редактору «Невы» с возражениями на основе ссылок на марксистскую историческую науку. Написал и Рождественскому: рассказал, что строфы о машине очень будоражат редактора «Невы», а он явный олух, что я заметил еще в Ленинграде. Вся эта антимония с «Невой» у меня сидит в печенках.

А Фурман принес мне очень хорошую пленку с Зоиной «Горгоной». Диалог Робеспьера и Горгоны в Вильнюсе с моей стороны обеспечен, теперь все зависит от Наталишки.

20 апреля

Звонил мой горе-редактор из «Современника»: надо перечитать вновь включенные стихи. Несуразна природа этого издательства: машинистки имеются, но в долг работать артачатся. И еще этот тип обвиняет меня, что это я задерживаю издание книги.

Звонила Лида Жданова из Переделкина: с книгой у нее все в порядке. Мое письмо подействовало – так во всяком случае говорит она. Послал III том В. Орлову, Первомайскому. Дал его Владимиру Михайловичу.

Звонил А.З.Крейн: мой «Медный Всадник» во дворе в экспозиции. Ремонтировать его будут в конце года. Тарелку и портрет Петра возвращает мне: эксперты говорят, что то и другое конца прошлого века. Даже тарелка. А я-то думал, что она петровской эпохи. Значит подделки.

Продолжаю читать рассказы Ал. Н. Толстого: «Калиостро», «Смутное время» и пр. Читаю с упоением – иначе не скажешь. Это такой свежий, юный талант (все 20-ые годы), что он еще много раз будет оживать, переоцениваться, возвышаться в цене – и конца этому не предвидится. Вот что делает время с настоящим: настоящее, стоящее всегда растет. Будет день и его будут сравнивать с Гоголем.

21 апреля

Отдал в машбюро СП все, что надо перепечатать для «Современника». Отправил Вс. Рождественскому III том. Из Пушкинского музея мне вернули тарелку и портрет Петра, а я написал «дарственную» музею на «Медного Всадника».

22 апреля

Послал III том Гейченко⁵⁵ и Бажану.

Письмо из «ЛитГрузии». Обещают, что статья о Межирове будет опубликована в седьмом июльском номере журнала.

Днем двинул в Переделкино часа на два. Повез Тане и Лиде III том и водку. И к удивлению моему и к радости там оказались Юра с Верой Марецкой. Она скоро уехала, а он обедал вместе с нами. Вокруг была уйма народу: Гребнев, Файко, Ананиашвили, Фейнберг, еще какие-то люди. Потом Лида Жданова, Юра и я, пошли поздравить Каверина – ему 70 лет. Как отлично выглядит Веня Каверин!

Без конца переписываю стихи для вильнюсских выступлений, т. е. каждое большими буквами, ибо держать в уме и помнить наизусть такое множество немислимо, а по книге – значит в очках – и все пропадает.

Опять буду в постели читать Ал. Толстого.

23 апреля

Страшно пестрый день. Началось с того, что пришел Савва (С.Головановский. – Сост.) и совершенно извел меня критическими придирами к

переводам его стихов. Переведены они и напечатаны были два года назад, тогда он и глазом не моргнул, отдав их в «Неделю» своими руками. А сейчас, когда книгу спешно сдают в набор, его залихорадило. Одно из стихотворений я с грехом пополам передал. Все это перемежалось бесчисленными звонками: Таня Калинина из Ленинграда, Лида Жданова из Переделкина, Ия Саввина и, наконец, пришла Сашура со своим волгоградцем брать у меня интервью на тему об Отечественной войне. Просили связать их с Симоновым или Межировым или с кем-то еще. Я искал и Межирова, и Луконина, но телефоны обоих молчат как убитые.

С божьей помощью какое-то интервью ко Дню Победы ей в псковскую газету, а ее спутнику – в волгоградскую, у нас вытанцевалось. Сашура немного порылась и в заветном сундучке с Вовочкиными тетрадками, с письмами из армии. Тут кстати пришел Лева Озеров и разговор получился общий, потом и за чайным столом. Полдесятого, когда все они ушли, приехали с Пахры Кипса с Катей.

Мой чемодан, кажется, уложен и завтра я улечу в новую авантюру.

24 апреля

Итак я в Вильнюсе, на пятом этаже довольно комфортабельной гостиницы, где по современной моде нет и в помине подобия письменного стола. В аэропорту меня встречали Реймерис, Жукаускас, молодой парень из СП Литвы, Пожера (ихний секретарь) и еще один парень из общества «Знание». По городку расклеили афиши о моем выступлении, пятьсот билетов на завтра уже продано. В гостинице не работают сегодня ни ресторан, ни буфеты. Но рядом вокзал, и мы с парнем из Союза довольно сытно позавтракали.

В окне у меня великолепная панорама города. Здесь холоднее чем в Москве, но солнечно. Говорят, ожидается мокрый снег. Литовские поэты трогательно меня встретили: с цветами от СП и от университета, где предстоит выступать послезавтра.

Сейчас говорю с Наталишкой. Придет она не завтра утром, а сегодня в полночь. Мне пришлось употребить массу энергии и изворотливости, чтобы в течение часа забронировать для неё номер рядом с моим. Все это минует и Союз писателей, и общество «Знание» – только воздействием на администраторшу. Сейчас мне необходимо выспаться. А потом позаботиться, чем и как накормить Наталишку наутро.

Ну вот и приехала. И надежды сбылись. И, кажется, я ожил.

26 апреля

Вчера я так и не раскрыл эту тетрадь – день был напряженный, полный тревог о вечернем выступлении. Тревоги в основном относились к заключительной части, к инсценировке Робеспьера. На репетиции все получилось. И проекция на экран головы Горгоны, и мой диалог со мною же, записанный на магнитную ленту, было эффектно и убедительно. И Наталишка выучила назубок весь текст, и произносит его отлично, хорошо обдумав смысл. А уж поет так, что дай Бог!

До этого с нею, Жукаускасом и Реймерисом мы были на улице Антокольского в знаменитом кабачке «Локи».

Итак, вечер начался. Реймерис говорил много, подробно и трогательно. Меня встречали хорошо. Читал я много и разное. Всё принимали на ура. Всё вместе продолжалось более 2 часов. Наталишка пела под гитару «Утро седое» и «Гори, гори моя звезда», читала стихи Беллы и мои. Она и здесь проявила артистическую инициативу, очень умно и эффектно построила свой выход и чередование всего, что делала.

Потом ужинали в гостиничном ресторане.

Утром сегодня мы с нею завтракали в гостинице. Потом кружили в такси по городу, были в двух-трех костелах. И который раз я любовался, хотя и не первосортной, католической декорацией с золотыми и пестро раскрашенными изваяниями. Светский характер этого убранства на несколько веков моложе византийско-православного. Вслед за этим путешествием, осложненным пристрастием моей спутницы ко всем лавкам мира сего, мы заехали за ее друзьями и пообедали с ними в «Неринге». Сейчас уже 7-ой час. Жду Жукаускаса и Реймериса, чтобы всем вместе двинуться на выступление.

Завтра в 10 часов утра предстоит запись на телевиденье. А там – посмотрим. Я хочу в Шяуляй.

«Робеспьер» вчера так и не состоялся из-за отсутствия нужной, простейшей техники в Доме профсоюзов. Это безрукость общества «Знание». Но никого винить не хочется, ибо люди милые, простодушные, стараются изо всех сил. Но чего-то им в высшей степени не хватает. Может быть, просто денег, чтобы вовремя сунуть кому-то рубль или пятерку. Может быть, мне самому надо было проявить некоторую инициативу в этом отношении, но просто неудобно соваться.

1 мая

Вчера вечером я прилетел во Внуково. Моя радость рядом с Н.О. (Натальей Огай. – Сост.) утверждена и подтверждена многим, прежде всего ею самой. Но как все на свете, это ведь тоже хрупко! Надо жить дальше и ждать новой встречи с нею в Ленинграде, в конце мая. Она необыкновенно талантлива. Еще одно свидетельство тому – спектакль в шяуляйском театре. Постановка с размахом, с изощренной, острой изобретательностью, умно и дальнорочно. Откуда что берется – это и есть тайна дарования, древняя, как сам театр, как человеческая культура.

3 мая

Востряково. Зоино лицо в бронзе. Голые деревья с распускающимися листочками.

Приезд на Пахру, крепчайший сон днем и ночью – без снов, без пробуждений. Вчера утром был у Симонова, там же видел Кирсанова. Поздно вечером приехал в Москву. Мой правнук миляга и добряк, но необъяснимые взрывы, капризы и прихоти.

Сегодня утром отправил Наталишке 6 томов Станиславского, бронзового индийского бога и два длинных письма, второе с хорошими, настоящими стихами.

В обществе «Знание» сдал отчет по всей поездке. В Гослите узнал от Лидии Михайловны, что мой IV том лежит без движения в производственном отделе и только 15-го мая пойдет в Ленинград. Почему так? Потому что они обязаны сдать только к 15-му, вот и тянут неизвестно зачем.

Выкупил 10 экземпляров III тома на Кузнецком и бесплатно получил еще 10 авторских в Гослите. Днем была Таня Калинина, из которой вырабатывается все-таки дельное существо. По крайней мере по внешнему поведению.

От Миллера телеграмма, что перенести мой вечер в Ленинграде позже 20-го нельзя. Я ответил телеграммой же, что у Н.О. премьеры «Эвридики» как раз 20-го. А я рассчитывал на ее участие в моем вечере. Надеюсь, что после премьеры она сразу явится в Ленинград, хоть 21-го!

Говорил сейчас с Рождественским: редакция «Невы» не то инквизиция, не то клозет. Теперь, извольте ли, Петр у меня «слишком груб». Самое большое возражение против «Вступления». Я предложил «Историю» заменить «Поэзией», чёрт с ними. Но и это пугает пуганых ворон! Словом, чувствую, что в «Неве» появится жалкий огрызок моей поэмы.

Ах, Н.О.! Как будто вся моя будущая жизнь сосредоточилась в этой светящейся точке – Н.О. И очень раздражает меня резко отрицательное отношение к Н. со стороны Кипсы. До нее дошли какие-то скверные слухи об этом милом существе. Откуда они исходят? Конечно, от ее бывшего мужа, Льва Устинова, который не теряет, идиот, надежды, что Н. вернется к нему. Но средство для того избрал самое глупое: чернить ее по всей Москве – авось дойдет и до меня. И ведь дошло! Но ему это худо обернется.

4 мая

Мое выступление в Ленинграде переносится на долгий срок. Это очень досадно. Мы хотели выступить! Н. рассчитывала блеснуть перед новой аудиторией. Однако в Питер в двадцатых числах я все-таки поеду и ее постараюсь вытянуть. Рождественский задумал показать интересные места под Ленинградом: Царское, Павловск, Петергоф, может быть, и Кронштадт. Словом, все упирается в нее, в мою милочку. Будет она – и все хорошо.

Весь день сижу в халате. Был Владимир Михайлович и я проиграл ему две партии в шахматы. День пустой, как гнилой орех, и сам я тоже такой.

5 мая

С утра был в нашем Бюро пропаганды. Говорил об организации двух-трех выступлений в Ленинграде в мае, и они как-будто приняли это на вооружение. Затем был в Иностранной Коммиссии и напомнил о моём вызове из Ливана. Затем в ЦДЛ вручил III том Филиппову и тут же стал свидетелем его разговора по телефону с И. С. Козловским, который, оказывается, разыскивает меня с очень занятным предложением. Хочет, чтобы я сыграл вместе с ним сценки из «Севильского цирюльника». Я – Бартоло. И я охотно ухватился за это. Предложил в качестве Розины Беллу. (Как раз собирался к ней ехать.) Петь нам с ней не придется, сочиню какие-то стишки с юмором. И состоится наш балаган в ЦДЛ.

Белла вчера вечером прилетела из Нальчика, сверх меры довольная. И она и Эльдар твердо живут в сухом законе. Она усиленно работает.

6 мая

В ЦДЛ заказал несколько фотографий вечера Гудзенко. Потом отвез Белле Бомарше. В «Неделе» договорился об очерке «Снова в Литве». В Лавке писателей забрал I том Достоевского. Вот и все мои дела.

7 мая

Вчера вечером, когда стекольщики закончили у нас работы, они пригласили и меня разделить свою поллитровку. Я охотно выпил две чарки. Весело и дружелюбно болтали о разных разностях. Один из них, уроженец Ясной Поляны, был убежден, что немцы туда не дошли. Я легко доказал ему обратное, показав фотографии в книге Хелемского. Он был сильно сконфужен.

Вчера же звонил корреспондент ереванской газеты на русском языке: умер Мартирос Сарьян.⁵⁶ Он просил меня написать страничку о великом художнике. Только что он звонил опять. Я продиктовал ему написанное. Он все это записал на свой магнитофон.

Пришла Сашура со своим пензинским товарищем из ВКШ. Завтра он уходит в армию. Мы пообедали и распили с ним остаток коньяка. Она мила, добра, сильно похудела. Выражает серьезное намерение начинать свою журналистско-литературную деятельность. У нее есть книжка Межирова и Гудзенко, я дал ей Луконина. Кажется, что стажировку в августе она проведет в Киеве, где я смогу хорошо ей помогать, рекомендуя ее Бажану, Первомайскому и другим.

Но куда девалось мое трехлетнее увлечение Сашурой! Я очень люблю ее, но смотрю другими глазами на нее, трезвыми, отчасти грустными. Жалко всего, что было и чего не было. Жаль и своего трепетного восторга, канувшего бесследно. Еще в Риге, в январе все было иным. Как сложится дальше ее судьба? На это не легко ответить. Лишь бы она двигалась в том направлении, которое сама выбрала хотя бы тем, что пошла на филфак, тем, что явилась ко мне в 69-ом году, что выбрала темой своей дипломной работы мою поэзию. Но сколько же раз она со странным упорством отрицала свою способность писать. Сколько раз пытался я переубедить ее...

8 мая

Перепечатал всю статью «Снова в Литве». Звонил к Наталишке и не застал. По словам матери, репетирует днем и ночью, актерами недовольна, мучается. Буду звонить завтра утром. Я схожу с ума по ней.

Хочу спать, но убежден, что так и не засну. Божье ли это благословение или что-то противоположное, мне все равно. Это – жизнь, надежда на жизнь, шаткая – но все-таки...

Давно лежала у меня книжка, роман французского писателя о парижской буржуазной семье, «Семейство Эглетьер». Оказывается, это занятная история. Зовут его Труайя (Троуат). Настоящее имя Тарасов, сын эмигрантов с 17 года, член академии. Есть общие черты с той пьесой, которую поставила Наталишка у себя в театре. Кстати, она занимает очень большое место в статье – две последние страницы. Как отнесутся к этому в редакции «Недели»? Мой довод, вполне разумный: говорю о свежем явлении в литовском театре. Но не торчат ли ослиные уши влюбленного дурака?..

9 мая

Вот пришел солдатский праздник: память Вовы, которому в октябре исполнится 50 лет, а погиб он, не дожив до 19. Так что слово праздник носит характер условный и жгучий.

Утром дозвонился к Наталишке. Пятиминутный разговор с нею – подарок жизни. Она бодря в большей степени, чем я думал (после разговора с матерью). Нынешний затор в работе определяет трезво как неизбежность. Разговор кончился ее воздушным поцелуем, в который я хочу верить.

Ровно в десять пришли грузины из Тбилисского радио, записали мои переводы Чиковани, Леонидзе и мои кое-какие мои стихи. Не обошлось без тостов. Потом говорил по телефону с Женей Евтушенко.

Звонил мой двоюродный брат Маркуша: в конце мая исполняет сто лет моему дяде Льву Антокольскому, художнику, который в детстве очень много значил для меня.⁵⁷ Условились, что я напишу Маркуше письмо об его отце.

Только что кончился трехсерийный документальный фильм о последних днях войны. Сильный акцент на коварство американцев и особенно англичан – Черчилля! Все это история, которую еще много раз будут переписывать набело. Так что глупо спорить с любым ее вариантом. Каждый из них – черновой. Да и вся наша жизнь – бессвязный черновик.

10 мая

В «Неделе» главный редактор прочел на моих глазах статью и сказал: «Очень хорошо». Но верить на слово никому не приходится.

В ЦДЛ тоже неясно, когда репетиция с Козловским, но он сам в этом отношении человек дотошный. Так что на авось все это сделано не будет. <...>

11 мая

День начался со звонка директору «Гослита» Сомову. Свидание Беллы и моё с ним отложил на завтра. Он ответил: «Я – солдат. Не знаю, что будет завтра». Пускай хоть так, но на завтра надеюсь. Машины сегодня нет у меня.

Пошел пешком в «Прогресс» на Зубовский бульвар. Там совещание о дальнейшей судьбе выпусков поэтических сборников русских переводчиков. Я взял на себя к 74 году вступительную статью в поллиста к сборнику Брюсова. Но это так далеко, что не стоит заранее думать о таком прицеле.

В СП и в ЦДЛ разговор с Царевым о поездке в Ленинград. Выступление 31 мая в Александринке уже определено – Пушкинский очередной вечер.

Сегодня на градуснике +22°. Жду звонка из Тбилиси: они не перевели на мой счет 700 р, которые необходимы мне дозарезу на Ленинград.

Только что звонил Царев. Ему удалось связаться с председателем Бюро пропаганды в Ленинграде. Это некто Туричин Илья Афроимович, прозаик. Он кое-что обещает сделать. Принял во внимание надобность в двух номерах в гостинице. Особая трудность, что все это совпадает с приездом Никсона, у которого эскорт чуть ли не в тысячу персон. Касается это и Ленинграда почему-то.

12 мая

Я сам дозвонился к Туричину. Он действительно может организовать кое-какие выступления: в институте Герцена, в Доме ученых. И насчет гостиницы постарается.

Был с Беллой у директора Сомова. Отношение самое благожелательное. Но с деньгами пока швах. Об авансе в счет будущего договора речь может идти только в августе, когда окончательно утрясется план на будущий год. А договор – только в январе. Все это обычное дело в громоздкой машине издательства.

13 мая

Закончил стихотворение, посвященное Брауну. Начал его еще в январе, к его семидесятилетию. Нашел черновик и понял, что дело стоит труда. Написал статью о переводах Цветаевой на французский язык Пушкина: заказ все того же «Oeuvres et Opinions» (Произведения и мнения, пер. с фр. – Сост.). Сделал больше, чем просили.

Только что заказал на утро телефон с Натальей. Мое томление в ту сторону растет и растет. Но стараюсь держать себя в узде и с достоинством. Кипса чуть подобрела, явного остервенения, как было еще в начале месяца, нет. Однако слухи какие-то об этом милом существе доходят к ней снова и снова. Москва по-прежнему огромная фамусовская деревня и не дорого стоит прослыть в ней кем угодно: развратником и потаскухой, сумасшедшим и алчной мегерой, и еще кем и чем угодно. Трезвонят телефоны, недолго до пасквилей и обложных писем.

Утром был Женя Рейн⁵⁸, получил III том и быстро ушел. Я его не задержал. Был и доктор Анатолий Исаевич, нашел меня, как всегда, в норме, предложил диспансерный день – после моего возвращения из Ленинграда.

14 мая

Утром дали мне Шяуляй, увы, слишком рано разбудил Наталишку, она едва проснулась, – наверно, дико устала, поэтому разговор был очень короткий и ничтожен.

Вскоре пришел Яша Хелемский и принес майский номер «Знамени», где напечатана его «Ночная репетиция», стихи, посвященные Зое и мне. Он в чем-то подтянул их, по сравнению с тем, что читал на вечере в ноябре. Папка с

материалами для книги «Зоя Бажанова» потихоньку растет. Симонов тоже думает написать о ней стихи.

Отпечатал вступление к переводам Марины стихов Пушкина, сделанным 36 лет назад, в Париже, к столетию гибели Пушкина. На машинке это три с половиной страницы, а меня редактор просил полторы. Надеюсь, что сокращать не будут, все интересно.

15 мая

Отвез в «Oeuvres et Opinions» статью о переводах Марины.

А вот репетиция с Козловским для меня и Беллы была настоящим адом, тянулась она более двух часов. Впрочем, Козловский очень мил и многое в моих действиях принимает и одобряет. Но у него мания показывать самому, а как режиссер он слаб и глуп.

Отослал письма в Ялту В. Орлову и, конечно, очередное Наталишке. Окончательно договорился с Туричиным, что приеду в Ленинград 24-го, и что в первый день никакого выступления не должно быть. <...> Наталишка, надеюсь, прилетит 25-го.

Часа в два была великолепная гроза. Первая в этом году! Леся с Валею как раз сегодня утром сделали некоторые посадки у Зои. Так что гроза и ливень оказались во время.

16 мая

Вечер «Науки и жизни» в политехническом музее был занятным, а в двух своих частях – великолепным. Первая из них – Образцов, вторая все-таки П. Антокольский. Совсем неожиданно для себя я начал рассказывать об аудитории политехнического музея в 1920-х годах В одном из рядов сидел Павел Ильич Лавут⁵⁹, которому 82 года, и улыбался мне и поддакивал. Принимали меня, как всегда. После этого прочел «Заклинание» Пушкина, «О, весна» Блока и своего «Маяковского». Все это вместе тянулось 2 ½ часа. Была Сашура.

17 мая

Все утро разные тревоги с телефонными звонками в Ленинград и оттуда. Наконец выяснилось, что какая-то гостиница возможна с 26 мая. Вот я и решил ехать 25-го «Красной Стрелой» и уже заказал билет. <...>

Уговорился с Беллой, что завтра она явится ко мне хоть за полтора часа до репетиции с Козловским и мы все вместе пройдем и сварганим сами для себя рифмованные реплики. Я уже начал это делать.

18 мая

Новые, печальные для меня осложнения. Приехала мама Наталишки Ася Иосифовна. Оказывается, моя милочка после премьеры будет сильно занята: гастроль в Паневежисе, прием у министра культуры Литовской ССР, словом, она

сможет явиться в Ленинград только в самом конце мая. <...> Разочарование очень грустное и нелепое.

Письмо от Володи Кузнецова, который может в Петрозаводске организовать всё: и выступления, и Кижи. Лишь бы уместиться в сроки и 9 июня быть в Ленинграде. <...>

Звонила Сашура – сегодня едет в Велик. Луки на сороковой день кончины матери. В субботу должна вернуться и на «необыкновенном концерте» будет.

Еще уточнилось: в Ленинграде, в день приезда, будет выступление на заводе «Звезда». Всего 35 минут. Туричин ручается, что «народ понимающий». Но Наталишка, Наталишка милая, как же буду горевать о тебе! Твое отсутствие меняет всю картину коренным образом. На черта мне тогда Ленинград! Да и Петрозаводск тоже...

Репетиция с Козловским была так же изнурительна и беспорядочна, как и первая. Но все-таки он молодец и выдумал очень много неожиданного. Я старался, как мог. Белла чувствует себя не в своей тарелке и ни одного стиха пока не сочинила. Но, очевидно, все это, вместе взятое, будет иметь шумный успех у зрителей, у непривередливых особенно.

Но право, не знаю, какой черт-дьявол несет меня на своем черном крыле. Где же предел моих сил? – Да нет, все отольется и очень скоро большими ударами по физике и физиономии. А, может быть, и пронесет нелегкая... <...>

19 мая

День полнейшего отдыха. И он совершенно необходим. Стараюсь ни о чем не думать, не вспоминать и ничего не ждать.

Только что был сын Ивана Ивановича Чичерова, бескорыстного собирателя уникальных репродукций западных и русских художников. Иван Иванович скончался в прошлом году. Он ровесник Зои, рождения 1902-го года. Саша, его сын, попросил написать о его коллекции в «Книге отзывов» на выставку в ЦДЛ.

Из Ленинграда звонок: у меня гостиница бывшая «Англетер» <...> Центр города, рядом редакция «Невы». В тот же вечер, 26-го, выступление в Доме культуры Кировского р-на, чуть ли не двухчасовое.

20 мая

Послал телеграмму Наталишке – поздравление с премьерой.

Кипса и Катя уехали на Пахру до середины завтрашнего дня. Белла сочинила прелестные стихи – текст нашей первой сцены. Учю их назубок, кое-что переделав. Вечером была Лида Гладкая. Распили с нею поллитра. Сейчас уже первый час ночи. Нелегкая продолжает нести меня на своем черном крыле. Я обречен жить как умею, пока живу.

21 мая

Смотрел себя на голубом экране. Все как-будто правильно. Меньше махал руками, а если и махал, то осмысленно. Но внешний вид ужасен: не глаза, а

черные дыры, как на черепе. Голос хриплый, совершенно старческий. Что ж, так оно и должно быть по возрасту. А темперамента хоть отбавляй. Надо читать спокойнее, а вот поди ж ты, заносит.

Звонили Михайлов и Сережа Васильев, последний поздравил, одобрил выбор стихов. Я тоже думаю, что он был правильным. Читал: «Застольную», «Пушкина 27-го года», стихи под эпитафией, «Вы любите грозу», «Весеннее равенство», «В долгой жизни моей», «Благословение».

«Необыкновенный концерт» кончился где-то в десятом часу. И надо сказать, что это было действительно явление необыкновенное. Прежде всего, Козловский, но и мы с Беллой оба вместе и каждый в отдельности вызывали такое шумное одобрение аудитории, что дай бог! Я скажу о себе, что распоясался вовсю и смешил зрителей (именно зрителей, а не слушателей) до грохота на каждый свой выход. Увы, ни Кипса, ни Катя не пошли: Кипса очень устала после Пахры, а Катя без мамы не хотела. Из «моих» были Сашура, Владимир Михайлович, еще где-то маячила Инна, но я ее не видел. Была и мама Наталишки, звонила потом, что в восторге.

Я даже плясал с Козловским под «Эй, полным полна коробушка». Но, слава Богу, это свалилось с плеч. Впереди, после многих еще московских дел и тревог, Ленинград. Но это через несколько дней, еще успею прийти в себя.

22 мая

Звонки, звонки – и насчет вчерашнего концерта, и насчет телевидения...

Звонил Наталишке. У нее на премьере в первом же антракте случился пожар из-за трансформаторов. Публика слезно сидела в дыму. Но слава богу, дело было поправлено. Судя по ее бодрому и звонкому голосу, спектакль был принят хорошо. Как будто она и сама довольна. Обещает явиться в Ленинград 30–31-го.

Получил вёрстку из «Невы». Здорово искромсали даже оставшиеся жалкие фрагменты.

В Гослите заседание о собрании сочинений Брюсова. Это дело тянется – с 1967-го года! Твердо установили, что к столетию Брюсова (декабрь 1973 г.) выйдут первые три тома – поэтические. Есть решение Комитета по делам печати. Я давно сдал свою вступительную статью к многотомнику. Сколько же можно тянуть?!. Пробыв в Гослите целый час, я поспешил в общество «Знание» за деньгами и получил там сотню с чем-то за вильнюсские «гастроли».

Вечером пришла Сашура, принесла «Псковскую правду» от 9 мая, где напечатано ее интервью со мной, очень сжатое и лестное. Оказывается, Женя Евтушенко вчера весь вечер провел с нею и ее волгоградским кавалером, сначала в ЦДЛ, потом повез их в ВТО, где угощал какими-то редкими блюдами. <...> Вдогонку Лесневский кричал: «Что вы делаете? Это – любимая девушка Антокольского!» Сашура, как всегда, была мила, но и неприступна, как кремень.

Завтра смогу получить в Гослите деньги за новое издание «Мертвых душ» – малую толику, но все-таки 275 руб. На Ленинград, видимо, мне хватит. Сейчас уже 10 часов вечера. Спать!

23 мая

Получил в Гослите деньги, а в СП – билет в Ленинград. И странное дело: билет в кармане, а вся эта затея с Ленинградом, с выступлениями там, с подлой редакцией «Невы» кажется мне совершенно ненужным, зряшным мероприятием, если отдать себе трезвый отчет. На кой черт я все это выдумал?!

Вечером Инна Заграевская. Она мила и прелестна, но уж такая тараторка, так любопытствует там где не надо, что не дай Бог. Половину времени просидела с Кипсой, а той было это совсем некстати. Инна упростила меня соединить ее с Козловским и минут 20 болтала с ним, еще, слава богу, не просила у него билеты на Вана Клайберна.

24 мая

Итак, завтра «Красная стрела». С утра звонил и Туричину. Встреча будет на вокзале с Татьяной Владимировной из издательства Бюро пропаганды. Звонила и Таня, тоже хочет встретить.

Письма от Саввы Головановского и Ефима Эткинда, оба о III томе. Должна прийти Сашура. Я устроил ей два билета на «Турандот». У нас Владимир Михайлович. Я проиграл ему позорно две партии в шахматы. В «Неделе» как-будто твердо стоит мой материал. Завтра обещаны два экземпляра верстки.

25 мая

Утром звонил Эткинду. Завтра, очевидно, увидимся. Он видел у себя в институте им. Герцена объявление о моем вечере. Конечно, мне гораздо важнее выступить там, чем в Доме культуры на окраине. В институте я бы читал все, что хочу и сколько влезет.

Жду из «Недели» Авдеенко. Он обещал ровно через час привезти гранки, час давно прошёл. Я как дурак жду его, теряю время. День получается чрезвычайно нелепый! Кроме того фотографии... Уже готовы 16 фотографий воскресного «Концерта». Звоню, звоню в ЦДЛ, никак не могу добиться той девицы, которая сделала их. Типичная московская белиберда. Сколько было таких дней в этом году! Скорее бы в «Стрелу»! И в вагоне спать до утра.

26 мая

Вот и Питер. Встретили меня Таня Калинина и Татьяна Владимировна, с которой я говорил по телефону. Гостиница из рук вон плохая, а номер, хоть и двойной и того хуже: без уборной, без ванны, без душа. Директор обещал вечером или завтра утром переселить в лучшие условия.

От Наталишки телеграмма с адресом: Паневежис, центр. почтамт, до востребования. Уже ответил телеграммой же. Сейчас жду двух дам своих, чтобы идти обедать.

Выступление в Кировском Доме культуры, в библиотеке, с участием Вол. Орлова, Тани Калининой и Лены Рывиной (что было лишним) прошло на среднем уровне. Я читал много, но без обычного для меня подъема, хотя и старался.

«Мощи Александра Невского» вообще не стоило читать. После этого всей компанией отправились в Адмиралтейский ресторан на Большой Морской (ныне улица Герцена), пили коньяк и ели очень хорошее мясо. Танька тоже читала стихи, но бедняжка дико заикалась. Была еще младшая дочка Ефима Эткинда, Катя.

Сейчас 20 минут двенадцатого. День тянулся как резина. Спать, спать, спать. Завтра с утра переселюсь в более удобный номер.

27 мая

С утра гостиница блокирована. Никого не пускают. Площадь Исаакиевского собора перекрыта. Приезд Никсона навел здесь много страху. Рядом «Астория» – там, наверно, разместятся какие-то американские стукачи из свиты президента.

Пока что успел позвонить Орлову, Браунам, Рождественскому, Тане, дал им свой гостиничный телефонный номер: 191815. Блокада продолжается.

Дежурная по этажу научила меня нехитрому делу: звонить в здешний ресторан, когда он пуст, и уславливаться заранее. Тут пришел Эткинд, с трудом прорвавший «блокаду» и мы с ним пошли позавтракать и очень хорошо поговорили. Дальнейшие события разворачивались так. На несколько позже, чем мы договаривались, пришла Татьяна Вл-на и на четырех или даже пяти магнитофонных лентах записала для радио и стихи, и всякого рода рассказы о стольком, что я и не запомнил – от Вахтангова до «Четвертого измерения», от Брюсова до Беллы Ахмадуллиной. И еще, и еще...это продолжалось верных часа два. Между тем и блокада дошла до апогея. Горничная предупредила, что нельзя открывать окна, но можно смотреть, как Никсон войдет в Исаакиевский собор. Пялили, пялили мы глаза, а интересный момент упустили. <...>

Я вошёл в норму, читаю японские рассказы в «Иностр. литературе» и вообще неплохо чувствую себя.

28 мая

Утром у Браунов. Они меня прекрасно накормили: и яичница, и творог, и кефир – все, чего я здесь был лишен последние дни. Коля читал очень талантливые стихи, присланные сыном из Потьмы, из лагеря в Мордовии. У этого парня, 32-х лет, оказалась необыкновенная воля к выражению себя в слове и ритме. Много о смерти, о ее близости. Стихи по-настоящему трагичны. Тут и любовь, и свой Гефсиманский сад.⁶⁰ Словом, это очень настоящее. А ему еще четыре года томиться там. Коля проводил меня на трамвае до гостиницы. И тут почти сразу вошел Володя Орлов. Оба они недолго посидели. В этой глупой гостинице приняли новый закон: каждый гость обязан взять особый пропуск. Слава богу, не предъявляя при этом паспорта. Введено со вчерашнего дня – очевидно, в связи с приездом Никсона, но никто не догадывается снять это дурацкое правило, – м. б. потому что сегодня воскресенье, директора нет.

Зашла на полминуты Таня, принесла мне коробку табаку. Звонила Татьяна Владимировна. Завтра в пол-одиннадцатого заедет, повезет на выступление на

заводе «Звезда». Аудитория всего 50 человек. Сейчас жду Гольдичей, пойду с ними ужинать здесь же в гостинице. Что-то они опаздывают. А ужин уже заказан.

У меня не работала настольная лампа. Сейчас заходил очень милый электрик и весело, с улыбкой исправил все и нарастил провод, чтобы ставить лампу у постели. Из дневного сна у меня почти ничего не вышло. Мысль-мечта о Наталишке господствует над всем. И надо, наконец, сознаться честно, что здесь вся моя судьба и стало быть, здесь же мой конец. Может быть, мысль о конце связана с воздухом этой гостиницы, в которой в 25-м году повесился Есенин.

С Гольдичами сидели в ресторане до 11 ч. в. Сейчас они ушли. Лена, как всегда, мила, умна, сдержанна, а он, хороший учитель и честный солдат Отечественной войны, все-таки олух царя небесного, из которого партийность так и прет безо всякой нужды. Но хорошо и то, что тут же он спохватывается, понимая, что попал пальцем в небо. Она при этом явно страдает, но верна ему, как Татьяна своему генералу.

Еще один, третий, ленинградский день кончился.

29 мая

Вчерашнего коньяку я, видимо, перехватил и ночью снились кошмары, путанные и непонятные, в них главное – отсутствие Зои, и кто-то упрекал меня в чем-то по отношению к ней. Я проснулся, и было совсем тошно и горько.

<...> На выступление ехали в такси. Было далеко: счетчик набил больше двух рублей. Далее метров триста до клуба при хотьбе с палкой. Выступление оказалось на редкость удачным. Я все время чувствовал связь с аудиторией, в основном молодой: ее восторженное внимание, дружные аплодисменты. Читал я «Застольную» «Пушкина 27-го года», «Балладу о чудном мгновении», после чего принесли микрофон. С микрофоном мне было гораздо легче читать, не напрягаясь, не крича, не охрипнув, почти вполголоса. Прочёл «Санкюлота», первую главу «Таракановой». И уж тут – взрыв дружных аплодисментов! Наверное, это и библиотечные, и клубные работники, инженеры, начальники цехов, множество хорошеньких девушек, все натуральные блондинки, нарядные, в брючках. Особый вид современного рабочего класса, которому радуешься. Начитанные, но усталые. Это был их обеденный перерыв, и он кончился в конце моего пребывания на эстраде очень современного клуба.

И все-таки моё пребывание в Ленинграде нелепо, в первый раз за все эти годы. Весь расчет на появление здесь Наталишки, а в этом я совсем не уверен, и готов завтра же, после встречи в «Неве», сорватьсяотсюда в Москву и на Пахру. Может, это и минутное у меня, нервное, а скорее всего, просто ясное понимание того, как я безнадежно стар.

30 мая

Вспомнил кошмар вчерашней ночи. Как будто ищу где-то на вешалке среди многих других свое зимнее пальто, меня за это упрекают. Кто-то говорит: «А что скажет Зоя?» Я отвечаю: «Зоя все поймет, она простит меня». Что это? Испарения нечистой совести?

Гостиница эта действительно сакраментентная. Ее недобрая слава после Есенина оправдана. Сверх того добиться здесь чего бы то ни было от дежурных, от горничных совершенно невыносимо. Все смотрят угрюмо, подозрительно, заранее раздражены. Словом, чёрт угадал меня приехать сейчас в Ленинград. Глупая затея! Встреча в «Неве» в общем прошла благополучно. Мои требования уважены. Слава богу, ихнего главного не было. <...> Вместе с Эткингом кружили по острову, по набережной Невы: Аничкин мост и два огня, и два коня... и разговоры. Настроение у меня оставалось препоганое.

В шесть вечера телеграмма от Н.: «Дозвониться тебе сложно завтра буду Шяуляе настроение послепремьерное пустота какие планы вылечу из Шяуляя не психуй. Н.». Тут и нахальства много, и её вихревого мышления. А все-таки она милочка. Значит, прилетит. Моя хандра двух последних дней, бессонница, кошмары, – всё это зависело от одной маленькой чертовки. Любил ли я её? Или это бред? Или я – бесхарактерная тряпка?

31 мая

Вчера Эткинд со своей младшей дочкой Катей заехал за мной и отвез к себе. Были там его жена Екатерина Федоровна, старшая дочь Маша и какой-то парень Миша. Потом пришла Таня Калинина. Мы долго сидели за столом, очень умеренно пили коньяк из каких-то особых бокалов, дающих возможность лизнуть по две-три капли (особое чешское изобретение). Я читал из «Княжны Таракановой» и заключ^{ение} к поэме. Вернулся уже в первом часу ночи. И свалился в постель.

1 июня

Вечер в Александринке прошел для меня лично здорово: читал «Пророка» и свои о Пушкине. Овация – как всегда. А когда вернулся в гостиницу – телеграмма от Наталишки, что приезжает утром. И вот с раннего утра беспокоился и о номере, и о такси. Все как-то уладилось, обошлось. Что сказать о ней? – Она это она. С ней все неясно, сложно и усложняется с каждой минутой. С нею и Володей делали круги в такси по городу, вплоть до галерной, Петровской гавани и еще, и еще, потом обедали в каком-то милом ресторанчике. Сейчас она ушла к себе в номер.

Завтра пойдем на «Ревизора» у Товстоногова.

2 июня

<...> Моя душенька спала поздно и на короткое время пришла завтракать, и немедленно улетучилась: у нее и тут какие-то «лучшие подружки». Но претензий у меня на нее нет никаких, лишь бы знать, что она рядом.

Сейчас жду машину с завода. Слава богу, последнее мое выступление. Вечером театр Товстоногова, а завтра французский театр, пьеса Жироду «Троянской войны не будет». Читал ее сразу после войны, тогда она была в высшей степени современна, своевременна и остра.

Пожалуй, это третье выступление на заводе «Союз» было самым лучшим из всех. И принимали здорово и одарили безмерно! Значком, который дается на заводе проработавшим 25 лет, и замечательной авторучкой и гигантской шариковой. Много снимали и обещали прислать фотографии. А парень-шофер, обслуживающий начальство, везший меня туда и обратно, готов и дальше возить куда угодно. Вот повез сегодня в театр на «Ревизора».

Этот спектакль по-своему очень интересен, живописен. Лучший исполнитель Лавров (Городничий). Все, что он делает, сплошная правда: естественен, прост, глубок. Хлестаков мельчит, мало веришь в него, хотя постановщик Товстоногов ставит его в очень выгодные для актера условия. Товстоногов все-таки не удержался здесь от водевиля, много ненужных танцев-кордебалетов.

Вечером очень серьезный и грустный, до ужаса грустный разговор с Наталишей. Она во многом права. По дурусти своей я продолжаю цепляться за тень какой-то надежды. А между тем выходит, что дело мне полный швах. К тому же она права, когда упрекает меня в бестактности. Коротко же, пахнуло пожаром, в котором я стану горстью пепла. Я потерял ориентир. Голова работает ясно, но поэзия моя погибла. Писать стихи мне не о чем, потому что некому их адресовать!

3 июня

Как ни верти, но «утро вечера мудренее» – поговорка справедливая. Все на свете проходит, если не бесследно, то все-таки...

Письмо от Сашуры, которая пишет, что готова была сорваться в Ленинград и увезти в Москву. Она в восторге от «Турандот». Уже ответил ей.

Еще письмо от П. Вегина. В «Дне поэзии» запороли моего «Кота в басне», «Вчера-завтра», «В середине века», – всего этого можно было ждать от Б. Соловьева и Карповой. Но запороли и статейку о Твардовском, что вообще полное безобразие. Извольте видеть, не хотят и вспоминать о «Теркине на том свете». Вот в каком мире мы обретаемся. Некрасивый мир! Но сказать по чести, меня все это очень мало трогает. Жизнь моя так неправдоподобно растянулась, что всякого рода литературные беды совершенно в стороне от этой, моей, личной пока еще, жизни.

Спектакль французов «Троянской войны не будет» по Жироду очень занятное явление. Необыкновенная чистота, четкость, ясность работы. Широкие мизансцены. Декламации нет, разумеется, но прямая подача текста зрителям. Это условность ненавязчивая и в силу острого характера пьесы вполне умеренная. Очень хороши Гектор и Одиссей – это и у автора. Кульминация остроты и злободневности. Елена, получившая все цветы и хлопки, все-таки ниже этих мужчин.

Наталишка в бешеном восторге, требовала, чтобы мы пошли к актерам. Я еле удержал ее. Встретил там Стрельчика и Юрского и очевидно завтра опять придём в БДТ на пьесу Миллера «Цена», которую перевели Симоновы Костя с сыном Алешей.

4 июня

Утром с превеликим трудом разбудил Наталишку <...> и тут же отвез на Финляндский вокзал: ей надо отвезти диплом матери к какому-то профессору – на ст. Горьковская, километрах в ста от города. Это путешествие долгое, утомительное, дай бог, чтобы ее там накормили.

От вокзала поехал к Гольдичам. Он и особенно она милы и приветливы. Он, как всегда, ничего не понимает в совр<еменной> жизни. Партийность оглушила его, как редко кого оглушает (вроде Лидии Тоом), верит всему. Она тактична и терпима по отношению к нему. Главный его недостаток – поверхностный оптимизм.

Я сыт, упит коньяком. Сейчас 4 часа. Билеты в БДТ заказаны (звонил Стржельчику). Но в каком состоянии приедет Наталишка, плохо себе представляю! Такси, заказанное заранее, пришло точно без четверти семь. И я сидел в нем, страшно волнуясь, что её нет и что она наверняка опоздает. Внезапно распаивается дверца и она садится сзади. Мы подкатили к театру минут за 10 до начала. Так что она еще хлебнула чего-то в буфете.

Итак пьеса «Цена». Юрский, Стржельчик, еще две подсобных фигуры. Но два первых – это действительно великое искусство. Пахнуло старым МХАТом. У Юрского взрывной темперамент и полная незащитность перед лицом открытий, которые валятся ему на голову. Все это очень сильно. Стржельчик удивительно тонко и мягко играет старого еврея. Конечно, когда он появился, Наталишка тут же усмотрела сходство со мною и съехидничала по этому поводу: дескать, я так же спускаюсь с лестницы, так же кашляю и кричу. Но бог ее за это простит, а я тем более. Потом мы катались по белой ленинградской ночи. И вернулись в гостиницу полдвенадцатого. А Стржельчик трогателен и нисколько не жалок.

5 июня

Путешествие с Наталишкой по магазинам Невского. В конце его Пушкинский Дом на Васильевском острове и, несмотря на выходной день в музей, его хранительницы показали нам Лермонтовский и Гоголевский залы, а потом в нижнем этаже – рукопись Пушкина в одной из его тетрадей с черновиком «Какая ночь! Мороз трескучий...» и беловиком «Цыган». Кроме того, показали единственный мой послевоенный портрет. Просили меня прислать им новый портрет и рукописи.

Сейчас сижу как на иголках в ожидании звонка Зуевой относительно билетов на самолет. Жду. Жду. Жду.

6 июня

Сегодня в 1 час дня я уже в Москве. Встречали Владимир Михайлович и Григорий Иванович за рулем. Отвезли Наталишку к сестре на улицу Герцена. По пути купили кое-какие продукты. Говорил с Беллой по телефону. Вот кажется, все.

7 июня

В ЦДЛ видел Сухорукова из иностранной комиссии который ничегошеньки не знает о том, что я приглашен в Ливан. Я просил его проверить и проветрить это дело.

Говорил и с Юрой Завадским. Как и что выходит с Милой, он не знает и ничего самостоятельно не решает. Бахтин, по его словам, в очень тяжелом состоянии, вспоминает жену-покойницу, ничего не ест.

8 июня

Утром звонила Наталишка – уже из Риги, откуда поедет прямо в Шяуляй. И по правде, я рад, что она уехала, что в сердце нет постоянной тревоги: где, когда.

Пришел Виктор Широков, я вручил ему III том, мы хорошо втроем с Владимиром Михайловичем посидели на кухне, пили только чай. А потом звонила Лида Жданова, скоро придет.

Звонила Сашура, объявила, что придет через час. Обед получился en quatre (вчетвером, пер. с фр. – Сост.): Лида Жданова, Сашура с волгоградцем, да я. К тому же на минуту забежала Таня Фиш и я подписал какое-то обращение к кому-то. Сидели мы весело и дружно, мы вдвоем с волгоградцем раскулачили пол-литра, а дамы – румынское белое вино. Сашура с парнем только что ушли на «Глазами клоуна»: я устроил их.⁶¹ Лида ушла раньше. Она усиленно приглашает меня куда-то в поселок под Ригой. Там большой дом, рядом море, рыбаки, мужики первобытные. Это соблазнительно для меня.

Много снимали друг друга. Сашурка в том самом красном вязаном брючном костюмчике, к-рый купила в Риге, а считала его неподходящим для себя. Оказывается, она в нем очень мила.

10 июня

Звонила и Сашура. Объяснил ей все наши обстоятельства: дело в том, что Кипса твердо и резко отказала ей в гостеприимстве на Пахре. Ее мать очень больна, Денис буен и требует непрерывных забот, Катя изменчива в своих настроениях. Словом, всё для меня – полный крах. Как я буду жить на Пахре, чем жить, на что надеяться – не знаю, не знаю, не знаю... Наталишка-умница назвала меня Королем Лиром. В этом и только в этом настоящая правда моего положения. Верное, глубокое, сумрачнее сходство. Впрочем, хватит писать о себе.

Сегодня значительно холоднее, чем все эти дни: + 15°, это после 25–30°. Солнца нет. Небо обложило свинцом. Вот так середина июня! Все это вместе – одно к одному.

<...> Звонила Ия Саввина: у нее трудная забота, какой-то парень сдуру бросился на ее машину и сломал себе ногу. Следствие установило полную ее невиновность. Но может быть и гражданский иск. Та же история, что когда-то с Владимиром Михайловичем, после которой я все годы платил алименты вдове с кучей маленьких детей... Все они давно уже выросли, а вдова вредная и въедливая баба оказалась.

11 июня

На Пахру мы доехали быстро, часов около шести вечера. Спал, спал, спал ненормально много. Утром проснулся уже где-то пол одиннадцатого. Но это не усталость, а отчаяние. Я дошел до точки.

Нашел Сухово-Кобылина, чтобы отослать Наталишке: Орлов советует ей ставить «Смерть Тарелкина». Конечно, для режиссера это великолепный случай блеснуть, но боюсь, что ее артисты-литовцы не смогут одолеть такую русскую, питерскую нелепицу. Но сам Тарелкин у нее есть: Гинтас, игравший сына в «Апостоле». Я перечел вступит. статью к трилогии. Сухово-Кобылин прожил 82 года. Жизнь его была и ужасна и крайне неудачна. Множество лет под следствием и в тюрьмах: обвинение в зверском убийстве его же любовницы-француженки. Обвинение облыжное заведомо. Но несчастный человек загубил лучшие свои годы. Писательская судьба еще трагичнее. Две первых пьесы шли и тут же бывали сняты. Сцену он получал ценой чудовищных купюр и искажений смысла.

12 июня

Дозвонился к директору издательства «Современник». Был в «Неделе». Заехал в ЦДЛ, отдал III том Ильину и Вегину.

Сижу один дома. У Кипсы уйма дел. Сейчас уже 3 ч. дня. Хочется жрать. Отправил письмо и Сухово-Кобылина Наталишке, Тане Калининой – письмо. Читал о Юлии Цезаре. Надоело справляться в комментариях о разных терминах, но чтение вполне подходящее мне.

И не зная о том, что утром я говорил с её матерью, звонила из Вильнюса моя зазноба. Благо, Кипсы не было дома, я мог говорить с нею обо всем, изъясняясь самым взволнованным образом. И как это ни странно, она отвечала тем же. Завтра утром буду снова звонить ей, как только Кипса уедет. За все дни она – единственный луч света. И я ожил, еще раз ожил. Черт возьми, эта негодзяка говорит, что любит меня!

13 июня

Я позвонил в «Крокодил» и оттуда в скором времени явился толстенький тип – по фамилии, кажется, Юдин, взял «Кота в басне», полагает, что он вполне может пройти. Я сомневаюсь. Но если пройдет, какой нос утру я всем Борисам Соловьёвым, Карповым и прочим! Звонил Паперный⁶²: говорил о каком-то документальном фильме. Поэзия, «стихия стиха», ещё какие-то невразумительные предложения и соображения. Словом, мы условились встретиться для обсуждения этого проекта и возможности моего участия в фильме.

Поехал к директору издательства «Современник». <...> Оказывается, моя книжка уже в типографии в Волгограде, где печатается вся эта серия. В ней уже вышел Твардовский (все поэмы). Это довольно красиво, формат небольшой и бумага отличная.

<...> Вот уже второй раз подряд снится мне Зоя в такой жизненной явственности, такая близкая, необходимая, мгновенно разрешающая мрачную тревогу сна и каждый раз при этом я тут же просыпаюсь, не потеряв уверенности в том, что Зоя действительно рядом. И как быстро улетучивается эта уверенность...

14 июня

С утра отнёс Верейским третий том. Оказывается, они оба были в Ленинграде незадолго до меня, смотрели «Ревизора» у Товстоногова. Сошлись во мнениях о спектакле. Им тоже понравились Лавров и Трифонов, тоже не понравился Басилашвили (Хлестаков).

<...> Продолжаю читать Светония⁶³, благо он здесь имеется в другом, новом издании и, кажется, в лучшем переводе. <...> Но пока что я не сделал главного: не понял как и чем привести свои мозги в творческую норму. Кажется, задача нехитрая, а вот поди ж ты! Но сдаваться я не собираюсь.

15 июня

Утром Масс уехал в Москву и повёз два мои письма, первое – Н. О. и второе – Сашуре в Великие Луки. Во втором я подробно и честно объяснил ей, почему Кипса так наотрез отказалась принять её здесь, на Пахре.

Когда я вернулся домой, меня здесь ждала дальняя родственница, жена художника Юлия Герштейна, моего троюродного брата, кажется. У неё трагически-характерная для времени борьба за интересную работу её покойного мужа – изобретателя нового способа гравюры на стекле. Борьба эта в издательстве «Искусство» тянется уже более десяти лет. У неё в руках прекрасные отзывы, вполне авторитетные, в их числе и от Шмарина.⁶⁴ Между тем под разными предложениями её манежат, травмируют, кормят неопределёнными обещаниями. Словом, происходит обычное дело, с типом которых сталкиваешься на каждом шагу по несколько раз в день. Но я-то в этом ничего не понимаю и действительно помочь никак не могу. Направил её в ЦК к О. Т. Иванову, который как раз занимается изобразительным искусством, но убеждён, что ЦК и пальцем не пошевелит. Обычная их манера отвечать: «Ведь мы никому ничего не приказываем, а совета нашего могут и не послушаться!..» <...>

18 июня

Большую радость доставляет мне общение с моим внуком Андреем, который очень далёк от меня со своим, вполне противоположным мне, мышлением. Но достаточно взросл и умён, чтобы быть терпимым. Мы уже не спорим с ним, можем говорить о чём угодно. Он прислушивается без вражды ко мне, уважительно, без насмешки. Он сдал свой кандидатский минимум и теперь ждёт своей очереди для защиты диссертации, которая наконец-то готова. Но ждать, может быть, придётся ещё пол-года. <...>

Очевидно, в первый раз я прочёл «Фауста» Клингера⁶⁵ в 1961 году, когда он был издан у нас. Он и тогда мне понравился. Правда, тогда я не слишком почувствовал взрывную силу и сатирическую соль романа. Тогда я заметил

авантюрный характер сюжета, сцены бесчисленных любовных увлечений героя. Не знаю, почему так случилось. К тому же я тогда не прочёл очень интересную вступительную статью. Конечно, Клингеру очень далеко до Гёте. Но это расстояние не всегда и не во всём в пользу гения. Клингер – мятежный ум, начитанный в истории эрудит, но прежде всего яростный мятежник и свободолюбец. Гёте писал своего Фауста чуть ли не целых 30 лет. Он гений и этим всё сказано. Финал огромной мистерии в двух частях завоёван им по праву:

*Das Unbeschreibliche
Hier ist's getan –
Das ewig Weibliche
Zieht Uns hinan.*

– (Faust, II, vers. 12104). Этого человечество не забудет. Это оплодотворило и Владимира Соловьёва и Блока. Да что скрывать, и для меня это вечный лозунг. Весь мировой романтизм в этих четырёх строках двухстопного ямба с дактилическими рифмами в первой и третьей строке.

Но возвращаюсь к Фаусту Клингера. Картина Европы XV века с Ричардом III, Людовиком XI, борьбой Борджиа – всё это так густо и плотно населяет книгу правдой истории, что и само по себе сильно и талантливо. А мужество Фауста в конце романа, его единоборство с адом тоже стоит многого. Да единоборство не только с адом, но и с Господом Богом! <...>

19 июня

Утром я стал перелистывать и перечитывать тетрадки своих стихов. Эти тетрадки я делал на Пахре чуть ли не с начала 60-х годов, делал их старательно, сшивал сам, переплетал, иногда иллюстрировал. Много в них переходит из одной в другую. Много переписано совсем ранних, до 20-х годов, стихотворений. Не все вошли в цикл «Раннее» в первый том Собрания. Что не вошло, полезно на будущее. Правда, этой «пользой» я уже не воспользуюсь. Но если когда-нибудь найдётся старательный и сочувствующий следопыт, он отыщет там много интересного.

<...> А на сердце очень мрачно. Не могу приняться за работу. Даже за такую простую, как изготовить экземпляр поэмы со всеми нужными поправками, вставками и вымарками. Вчера я встретил Вадима Сикорского⁶⁶, замещающего сейчас в «Новом мире» Винокурова. Я предложил ему поэму. Сикорский берётся быстро предложить её Косолапову. <...>

20 июня

<...> Читаю Плутарха об Александре Македонском и Цезаре. Разница между Плутархом и Светонием очень ясна: талант, глубина, ясность понимания на стороне Плутарха. Сверх того, он человек явных симпатий к герою. Он грек, но римляне ему тоже ясны и «героизм» для него всегда привлекателен. Но суеверия точно такие же, как у Светония. Понятно, почему классицисты XVIII века черпали у него материал для своих трагедий. Понятно, почему Карл Моор тоже вчитывался в Плутарха. Но уже Вольтеру он оказался ненужным. Монтаньяры снова взяли его

на вооружение, да и не только его, а всю латинскую античность, от Гракхов до Брута.

21 июня

<...> Снова приехал несчастный парень 22-х лет, студент Литинститута. Я советую ему бросить Литинститут, вернуться на завод в Ригу, где он и живёт, свободные часы отдать на учёбу по радио-инженерии. <...>

23 июня

<...> Письмо от Сашуры из Великих Лук; очень сильно убеждает меня в том, что не сердится на отказ Кипсы в гостеприимстве на Пахре, но явно жалеет, что это не удалось, пишет, что и по хозяйству помогла бы, что умеет готовить, обходиться с детьми и т. д., главное же, что скрасила бы и для меня пребывание здесь. Всё это грустно. Пишет, что хотела бы тоже поехать в Шахматово в августе. Но все ещё с этим неясно: письмо и от Лесневского очень встревоженное, требующее нашего вмешательства срочного. Я уже отправил на адрес Лесневского письмо в «Лит. газету».

24 июня

В первый раз прочёл монографию о Бенуа⁶⁷, которую мне подарил Владимир Михайлович ещё в 1966-ом году. Прочёл с захватывающим интересом. Бенуа прожил на свете ни много ни мало девяносто лет. Его разносторонность и работоспособность поразительны. Его влияние на всё в целом русское искусство: живопись, графику, театр и ещё многое, – это влияние несравнимо с чьим-нибудь другим. Вопиющая непоследовательность в его высказываниях сразу бросается в глаза, но она говорит не о беспринципности, а только о горячей взволнованности. <...> Какая уйма вариантов для одного «Медного Всадника»! Бакст считал эту графику апогеем Бенуа. С этим можно согласиться.

Я ловлю себя на том, что сравниваю себя с Бенуа. Наверно, я менее работоспособен, чем он, особенно в молодости, но в отношении широты охвата разных жанров и разных искусств, пожалуй, могу с ним соревноваться, хоть и задним числом. И во мне тоже немалое значение имел дилетантизм. Дилетантизм это значит неудовлетворённость одним делом.⁶⁸ Моя режиссёрская работа, особенно в тридцатых и в начале сороковых годов (до 1945-го) вовсе не была уходом от поэзии. <...> Живопись продолжала мою поэзию. Мои картины синхронны и «Высокому напряжению» и «Четвёртому измерению». Всё это было в начале 1960-х годов – в блаженной жизни рядом с Зоей, рядом с её рабочим пылом в деревянной скульптуре. Время безвозвратно ушедшее.

Оказывается, смерть Бенуа в 1960-м году была именно такой, как об этом рассказывали. В бреду он путешествовал по Эрмитажу, рассказывая призрачным посетителям музея, своим слушателям, подробно и достоверно, о сокровищах Эрмитажа. И попрощавшись с ними, поблагодарив за внимание, спокойно уснул навсегда.

25 июня

<...> Читаю книгу о Врубеле. Когда-то уже читал её. Но мне она не так близка, как книга о Бенуа, хотя я Врубеля люблю сильнее, чем всех русских художников.

26 июня

Начав с Бенуа, продолжив Врубелем, я ещё раз погрузился в монографию о художнике Серове⁶⁹. На этот раз интерес подогреет «биографически»: я учился с сыном Серова Юрой в гимназии, а впоследствии привёл его в Мансуровскую студию, ещё до того, как привёл туда Завадского. Юра Серов играл моего Кота в «Обручении во сне». В книге нашлись ещё более родственные опосредования: скульптор Антокольский (Марк Матвеевич Антокольский. – Сост.) как один из первых, кто заметил талант Серова, ещё мальчика. <...>

Был У Матусовских с большим волнением и нежностью ко всей этой семье, которую так любила Зоя. Да и что там говорить – ведь наша дружба вечная, слишком многим испытанная, слишком многим за годы и годы скреплённая и заново утверждённая.

28 июня

Серов умер сорока шести-семи лет. Полная противоположность Бенуа – не только в отношении ранней смерти, но и во всём. Я очень хорошо помню эту смерть, потому что его сын Юра Серов учился рядом, мы ещё не дружили и близки не были: он был старше на год и учился в другом классе. Впоследствии остался на второй год и последние пять лет гимназии сблизили нас. Эта смерть по-особому затронула всех, не только художников. Автор монографии Копшицер⁷⁰ подробно рассказывает об этом. Вообще из четырёх монографий (Сомов, Бенуа, Врубель, Серов) – это самая талантливая и самая тщательная. И очень много фона – политического, общекультурного, у нас и на западе. Но интересно, как интенсивно во всех четырёх книгах, по-разному и рельефно обрисован Дягилев и его роль в русском искусстве начала века. О Серове правильно сказано, что он был совестью эпохи, самым непримиримым и самым устойчивым и постоянным в защите им же выработанного кодекса морали.

<...> Но отчего мне тяжело приближение 1-го июля, когда мне исполнится 76 лет? Отчётливое знание того, что впереди нет никакой перспективы? Разве я не отдохнул за эти дни на Пахре, в разгар лета? Что же грызёт меня? Какое малодушие? Если это окончательное приближение расплаты за жизнь, если это смерть, разве не должен я встретить её достойно? <...>

29 июня

Но как же не приходится день на день! Сегодня с утра я не только «взбодрился», но решительно чувствую, что поэма в сущности готова, и знаю, что

ещё надо сделать в ней. А в середине дня еду в Москву и радуюсь тому, что вечером увижу Беллу в её эстрадном номере, который она давно уже готовила с каким-то знаменитым мимом. И не только эти три причины. Их больше. Среди них надежда на почту, чуть ли не недельную. А что касается 1-го июля, то будь что будет. Ни на чей приход я особенно не рассчитываю. Если придут одни только внуки, то и это хорошо. <...>

После чтения последних дней у меня возникла мысль – написать о русских художниках начала века; о «Мире искусства» как о цельном явлении. В моём личном развитии все эти художники, особенно Бенуа с его «Медным Всадником», сыграли очень большую роль. В самой моей поэзии многое пошло оттуда. Это влияние, или даже веяние, по-своему равно влиянию Блока, его театра и его Петербурга. Это плодотворно и в более широком плане, не только личном. Как всегда, речь идёт о постижении себя внутри исторического времени, его неотвратимого хода, его действия на всё моё поколение в целом, как поколения постсимволистского. <...>

30 июня

Был по приглашению Беллы на эстрадном представлении мима Амарантова, для которого она написала множество стихов – целую поэму. И она, и ее партнер мне одинаково сильно понравились. О ней и говорить нечего: она это она и все! Но мим тоже великолепен: артист с головы до ног, жонглер, танцор, выдумщик, со взрывным темпераментом. Ставил все это двухчасовое действо Чухрай и чувствуется его выдумка и в световых эффектах и во многом еще.

От Наталишки телеграмма из Шяуляя поздравительная – подарок жизни, судьбы, Господа Бога. Телеграмма от Зисельман; от нее же посылка-подарок: уральские умельцы, пепельница, трубка (к-рую можно и курить!). Тронул меня ужасно и новый сменщик Николая Павловича. Зовут его Николай Никифорович, когда-то работал у Нагибиных. Сегодня его первый день у нас. Притащил деревянный письменный прибор величиной с собор Парижской Богоматери, кустарная работа начала века. Несмотря на дикую загроможденность моего стола, я поставил эту роскошь на подобающее место. Кипса подарила мне чудной пиджак для дома, типа бранденбургов, немецко-польское изделие, рыжее, с глубокими карманами.

Вчера на вечере видел Ию Саввину, Сашу Межирова, с его дочкой сидел рядом, видел Кипмена, Люсю Кирсанову, Женю Ласкину, еще многих знакомых и полузнакомых, кого-то и забыл.

<...> Письма от Вл. Орлова, Л. Первомайского, Ильиной и Реформатского⁷¹, который углядел филологические неточности в статьях III тома. И еще какие-то письма, от Т. Глушковой и других. Всем ответил.

Спится мне днем хорошо, а ночью долго не засыпаю. Может быть, духота, но и напряженность нервная, ее корень – в Литве. Попалась же на моей дороге такая девчонка!

1 июля

День рождения начался с того, что вот уже полтора часа жду заказанного вчера вечером телефонного разговора с Шяуляем. И разумеется нервничаю глупо и непроизвольно. Телеграммы от Н. Банк и Гольдичей. <...>

Только что дали наконец Шяуляй. Наталишки нет, уехала с бабушкой в Ниду. Я остался с бубновым тузом на спине.

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось...

Эти строки Иннокентия Анненского просто преследуют меня последние годы. Но однажды я сам в своих стихах поставил рядом музыку и муку. И как аллитерацию и как сущность. Это было еще при жизни Зои. И снова повторяется как неизбежность.

6 июля

Переделка в «Коте» для редакции «Крокодила» сводится, казалось бы, к очень лёгкому делу, и я без колебаний, без всякого сожаления согласился на неё. Надо убрать слово «начальство». Ясно, почему редакция боится начальства. Говоривший по телефону со мною Вихорев предлагает заменить «Львом» или любым другим четвероногим басенным персонажем. Это вариант неплохой. Но я бьюсь уже третий день над этими двумя разрозненными строками и хорошего, чистого эффекта не могу придумать. <...>

10 июля

<...> Надо думать и о новой книге к 1976-му году, когда мне стукнет 80 лет. Не стоит делать нечего многотомного, на манер нынешнего собрания сочинений. Лучше всего однотомник большого формата. Включить всю поэзию, сказки с иллюстрациями и, конечно, новую поэму.

<...> Кажется, в июле должна выйти моя статья о Станиславском и Мейерхольде в «Театре», а в «Новом мире» статья об Асе Цветаевой.

14 июля

В одной из Зоиных масок – той, которая похожа на Сергея Орлова, – Андрей обнаружил осиное гнездо. Очень печальная находка. В бороде маски естественное дупло, прельстившее ос. Сейчас маска погружена в ведро с водой, приправленной махоркой. Она очевидно останется там всю ночь и надо полагать, маленькие осы и личинки погибнут. Тогда всё это можно будет вытащить даже голыми руками. <...>

16 июля

Неожиданно приехал Женя Евтушенко, ему послезавтра исполняется сорок лет. Он рассказывал массу интересных вещей о своём пребывании в Америке, о

травле со стороны части американской прессы, об одном действительно ужасном положении, в которое поставила его интервьюерша телевидения своими провокационными вопросами и о том, как удалось ему – умно и благородно – отбить атаку этой женщины. Всё это очень характерно для современного мира в целом. Любопытно, что это выступление в 7 ч. утра было для домашних хозяек. Реакция слушательниц – пришедшие двадцать тысяч телеграмм, осуждающих эту интервьюершу. И ещё много чего рассказывал Женя. О том, как подвели его «братья-писатели» – Катаев, Вознесенский и Аксёнов – с новым журналом, которого он, Евтушенко, добился у Брежнева.⁷² Тоже невесёлая история о наших близких и, казалось бы, неглупых людях. Сейчас Женя умчался, зайдет ещё к Кирсанову – пригласить его на свой день рождения, 18-го. Я колебался на этот счёт, но раз он специально приехал звать меня – ладно! Боюсь только многолюдства, в котором неизбежны подонки. <...>

19 июля

Только сейчас вспомнил, что тринадцать дней назад, 6-го июля исполнилось тридцать лет со дня гибели моего сына, младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского. В октябре этого года ему исполнится пятьдесят лет.

За день, за первую половину сделал только одно: подкрасил сангиной и акварелью сильно облупившуюся статуэтку Нефертити, живущую смиренно с 1963 года на книжной полке, да ещё в сказке о ней, которая была когда-то напечатана в «Четвёртом измерении». Подкрасил её довольно аккуратно. <...>

За эти июльские и июньские дни я, здорового живёшь, написал семь стихотворений посвящённых так или иначе Н. О. Что они являют собою, судить не могу. Но это извержение доказывает две вещи: значение для меня Н.О. и неисчерпанность моей поэтической экспансии. И если при этом замысел сказки о Калиостро нашёл другой выход – в двух стихах – что ж, бывает и такое. Это означает, что лиризм перешиб во мне прозаика.

22 июля

<...> Стихи у меня продолжают идти как ни в чём не бывало. Заряд на них ещё не исчерпан. Достаточно посмотреть утром на её карточку, стоящую на столе, чтобы возникло желание писать. И это цикл, а не конгломерат разного. В нём есть и адресат и автор, то есть героиня и герой. И если автор даже завирается, то всё-таки он не перестаёт быть мною. Н.О. может быть довольна: она названа по имени один только раз.

29 июля

Ещё третьего дня получил письмо-открытку от Аси Цветаевой. Она уместила на открытке своим невозможным почерком многое и разное. Прежде всего благодарность за статью в «Новом мире», которую видела и прочла благодаря какой-то библиотеке. Пишет, что все восхищаются статьёй и сама

называет её «чудной прозой». Просит прислать ей множество экземпляров «»для двух своих внучек и для заграничных подруг Ани Калин и Гали Дьяконовой⁷³, которая была когда-то женой Элюара, а теперь жена Сальватора Дали. Пишет, что явно и даже «рыгательно» не сочувствует моему выступлению по телевидению и «ради Вашего здоровья и жизни умоляю перестать»... <...>

8 августа

Утром звонил Юра, хочет сделать совещание с кем-то и кем-то еще о нашем замысле Гамлета. Звонил и Лесневский. Вечером придет он и люди из телевидения, чтобы записать некоторое добавление к тому, что я говорил 6-го в Шахматове – минуты на две – на три. Тема: Блок в Шахматове.

9 августа

Был и Стасик, и двое из телевидения. <...> Все это – будущий фильм о Блоке и Шахматове. Наверно, он и не выйдет никогда на экран. Причем требовалось, чтобы голос звучал как-будто под открытым небом. Мне пришлось очень неудобно на пороге своего балкона. Словом, вздор и суета. <...>

Пушкин у меня здорово двигается: 50 страниц!

10 августа

<...> Сверх того я добился, чтобы приехал кто-нибудь из «Крокодила», объяснил наконец, в чём дело. Выяснилось: не хотят Тигра, подавай им Льва. Но это ещё не всё! Ещё объясняй «четырмадцати миллионам» (это тираж Крокодила), что подразумевается под НЕВЕСОМОСТЬЮ и ВЕСОМ. Плюнуть на всю эту редколлегию! Ну их к ебене матери!

16 августа

За два-три дня на Пахре, кажется, я довольно много успел сделать или доделать. Написал предисловие для книжки Володи Рецептера. Перепечатал (с несколькими важными исправлениями) «Калиостро», как четырнадцатую «Сказку времени». Напечатал два стихотворения, извлечённые «из старой тетради конца 10-х годов прошлого века». Перечитав свои двадцать страниц написанного о Пушкине и убедившись в их логическом развитии, понял, куда и как двигаться дальше. Взаяся за журналистскую прозу Пушкина как за антипод его лиризма, то есть начал с конца будущего очерка. Ведь ни эпос, ни художественная проза, ни историзм Пушкина ещё совсем у меня не затронуты. <...>

В журналистике Пушкина меня больше всего интересует его ошеломляющая, убийственная ирония, язвительность, способность пародировать врагов, смертельный яд остроумия. Кстати, само «остроумие» для Пушкина означает не только «острословие». Вот его собственное определение: «Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим весёлым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и

правильные заключения» - это *nota bene* (пожалуйста, обратите внимание, лат. – Сост.) в скобках по поводу погодинской «истории русского народа».

Своеобразие пушкинского этимологического словаря вообще заслуживает специального изучения: что означает для него «небрежность», «вдруг», «гордое терпение»? Весь этот арсенал требует разбора и переоценки. <...> Его язвительность по отношению к «Северной пчеле» Булгарина – это своего рода цирковой аттракцион на потеху знающим толк читателям. Об этом очень толково сказано в VI песне «Онегина»: «Приятно дерзкой эпиграммой взбесить оплошного врага; приятно зреть, как он, упрямо склонив бодливые рога, невольно в зеркало глядится и узнавать себя стыдится...» Здесь ключ ко многому в полемическом искусстве самого Пушкина.

29 августа

<...> В русском языке есть слова, потерявшие своё первоначальное значение и потому опошленные, лишённые глубины, третьего измерения, плоские, например, *профессия*. В современном значении это только анкетная характеристика, равная по смыслу – «кем имя-рек работает, служит и так далее». На своей родине, то есть по-латыни, у *professio onis* множество интереснейших значений первоначальных: изъявление, выражение, объявление; официальное заявление, указание своего имени, состояния, звания. Только третье значение совпадает с нашим: специальность, профессия. Но основной корень, существительное (а может быть и глагол?) – *profitetur*: открыто заявлять, прямо говорить. Очевидно, отсюда французские *profession de foi*: исповедь, исповедание веры. Конечно, совсем не обязательно рыть эту археологическую этимологию, но она важна для всякого, кто любит родной язык. Этимология – моя давнишняя страсть. Что же до корней русского языка, то в нём этимология просто жизненно необходима. Так же как «откуда есть пошла русская земля»; так же, как русская до-христианская мифология с Перуном и Дажбогом, как «Слово о полку Игореве». Кстати, по-латыни от *professio* и *professor*, совпадающее по значению с русским (профессор), но шире: учитель, преподаватель, а сверх – и это важнее всего – открыто излагающий своё учение и веру. <...>

Мне пришло в голову, что как поэт я обязан быть колдуном, который расколдовывает мир, а не заколдовывает. Я ещё не додумал до конца всей этой проблемы. Она мерещится где-то в районе символизма, но не Брюсовского, а Блоковского, который где-то сказал, что для поэта мир волшебен. Значит, задача художника в том, чтобы расколдовать волшебство мира, обнаружить реальность под покровом волшебного. Впрочем, мне ещё рано искать окончательные дефиниции. Я только сегодня вечером додумался до этой нешуточной задачи. И, может быть, вообще ошибся. *Finita la comedia*. Спокойной ночи. *Fugit irreparabile tempus*. (Время убегает безвозвратно, лат. – Сост.)

29 августа

Звонил в Гослит, спросил в производственном отделе насчет IV тома. Ответ: «Кажется, набирают». Комментарии не требуются.

Звонил к Белле, к Л. Темину⁷⁴: может, встретимся вечером в ЦДЛ. Художник Лукашѐв сделал две гравюры для книги в «Современнике», обещал принести показать. Приехал Владимир Михайлович. Я безнадежно проиграл ему в шахматы.

Спал отвратительно, в каком-то полусне сочинял стихи, даже запомнил отдельные строчки. Понять, истолковать откуда со дна подсознания они всплывают и пульсом отдаются в голове – кажется, еще никто из homo sapiens не пробовал: ни психологи, ни психиатры, ни эстеты, ни философы, ни скрипачи, ни циркачи... Я смиренно склоняю голову перед тайной.

1 сентября

Вот и начался так называемый сезон: для школьников, студентов, актеров, – некоторое отношение имеет он и к нашему брату.

Вчера утром заехал в «Юность», чтобы перечесть мою статью. Кажется, статья стройная и я ничего бы не прибавил к ней. Заехал потом в нашу иностранную комиссию, договорился с арабистом (зовут его Игорь, фамилию забыл спросить), чтобы он хотя бы объяснил внешнюю структуру обычную для арабских современных стихов, чтобы перевести два-три стихотворения Адониса. Там же случайно встретил Леонида Темина и привез домой к нам. Он все больше нравится мне как поэт. Это совершенно оригинальный голос.

С Беллой ужинал в ЦДЛ. Белла великолепна и мила, но ее парик абсолютно не идет ей. Сначала нас было четверо. Потом подошли жена Евтушенко со своим другом правдистом, недавно вернувшимся из Вьетнама.

Темин утверждает, что мне вредно злоупотреблять седуксеном. Он прав. Все мои забывчивости: номера телефонов, фамилий, назначенного на день и т. д., – все это результат торможения коры головного мозга, т. е. результат седуксена.

Вечером с Пахры приехали Кипса и Катя.

2 сентября

Сейчас полодиннадцатого. Н. Любимов включает в «огоньковского» Гюго мою статью как послесловие. Так день начался.

День был «украшен» тем, что пришла Таня Глушкова и принесла наконец мою портативную машинку. Пришла и Сашура, но так легко одетая, в босоножках, что просто боюсь, как она теперь доберется в Вешняки, – правда есть метро, но еще порядочный кусок по безлюдному шоссе.

Прием во вьетнамском посольстве. Как ни странно, узнал меня (через 14 лет!) какой-то парень, с которым я летел из Пекина в Ханой в 1958 году, и больше никогда не видел его. Я был рядом с поэтом Николаевым и его женой, хлебнул маленькую стопку рисовой водки, закусил какими-то странными подобиями мяса величиной с воробьиный носок и черным виноградом. В посольстве прекрасные картины – знаменитый лак, о котором я столько писал в своей книжке.

Сашура сильно усталая, с тревогой смотрит в предстоящий год в Москве, в школе, в общежитии. Но я возьмусь за вечное свое дело и по мере сил и свободного времени буду ее развлекать, водить по театрам.

Начал писать о книжке Л. Темина. Получил письмо от Рецептера: он в восторге от моего предисловия, от правки в его стихах.

Но, чёрт возьми, есть и главное в сегодняшней жизни, имя ему – Н. Огай. Бог знает, когда ещё напишет она мне, когда поеду я в Вильнюс, выберусь ли. Но не хочу натягивать себя на чрезмерную тревогу. У меня много насущных дел и забот, сентябрь быстро пролетит. Надо возвращаться к Пушкину!

3 сентября

<...> Писал и дописал статью о книжке Леонида Темина, а сегодня отстукал ее на машинке. Вечером он пришел и остался очень доволен. О нем уже писали и Озеров, и В. Синявский (даже!), и Рассадин, и еще кто-то. Он говорил, что впервые у меня он «вдвинут» в поколение, сопоставлен с Евтушенко. Действительно, я всегда вижу поэта в историческом времени, соотношу его со сверстниками и в то же время хочу показать его как личность. Завтра мне предстоит решить, куда отдать новую статью – в «Неделю» или в «Лит. Россию».

4 сентября

Только что вернулся с вьетнамского вечера, на к-ром был с Сашурой и С. Фурманом. Палец нарываёт во всю.

Днем была Наташа Банк, обедали, я сидел между двумя Наташами и выпил за третью от которой наконец-то получил письмо, великолепное и короче воробьиного носа. Ждет меня в Вильнюс, где сама будет после завтра.

6 сентября

Только что, в 10 часов утра, говорил с нею. Она приехала в Вильнюс, трепещет перед началом гастролей театра в столице. Рассчитываю утром 15-го слетать в Вильнюс. Но есть некоторые обстоятельства, препятствующие этой поездке. Дело в том, что в середине сентября намечено большое сборище переводчиков всех стран (числом более 80 человек) и меня включили в жюри по раздаче премий. Председатель жюри Бажан. Сегодня в 4 ч. дня совещание.

Отнес статью о Л. Темине в «Лит. Россию». Безымянный палец правой руки продолжает безболезненно нарываться. В час дня пойду в поликлинику к хирургу.

Писать дневник мне трудно из-за нарыва на пальце. К тому же эта огромная тетрадь развалилась пополам. Но писать все-таки надо, хотя бы для своей памяти. Лучше всего пользоваться маленькой книжкой по дням, той же, где телефоны.

7 сентября

Утром в поликлинике я увидел ужасную вещь. Игорь Волгин на велосипеде попал под машину и сильно изуродован: сломан нос, кажется и череп пострадал, все тело получило ушибы, раны, м. б. и руки, ноги пострадали. Водитель удрал.

Всю ночь Игорь пролежал на шоссе. Женщина, которая об этом рассказала, глухая что ли, не могла толком ответить на вопросы. Так я не понял, что да как.

Хирург нашла, что у меня фурункул: ножа не требуется. Облила эфиром, положила спиртовой компресс. Темин думал, что это рожа. Слава богу, нет.

10 сентября

Начало дня оказалось далеко не пустым. Сначала пришел художник Вячеслав Лукашов и как обещал, принес три картинки для книги: цикл Зои, поэма о Зое и Пушкин. Это грамотно, просто, реалистично, слава богу, без вывертов сюрреалистов московского пошиба, не слишком талантливо и вполне безлично, но видно, я обречен на такие иллюстрации, пока не решусь сам себя иллюстрировать. Вскоре после его ухода пришел корреспондент из бакинских газет, русской и азербайджанской, взял у меня интервью на разные темы: и дружба моя с Самедом, и первый приезд в Баку в 1936 г. и так далее вплоть до 800-летия Низами и дальше, дальше до начала 60-х годов. А тут мы разговорились и на общие темы: Сталин, Багиров, Солженицын. Парень милый, не шибко интеллектуальный, жена у него русская.

Пришел Владимир Михайлович. Мы смотрели с ним длинный американский фильм с индейцами, шерифами, бандитами, стрельбой. В целом талантливый, хотя явно массового голливудского производства, т. е. ремесленный, но такому ремеслу надо учиться нашим кинопостановщикам.

12 сентября

Я был бы уже в Вильнюсе, но третьего дня понял, что мне с моим поганым фурункулом никак не следует тащиться в далекое плавание. В поликлинике бываю каждый день. Вижу, что лечат правильно. Отправил письмо Наталишке и ей же по телеграфу 200 рубликов. Ей ничего другого и не надо от меня. Правда, она очень хотела, чтобы где-то в Москве снова было написано о ее работе. Но если этого не вышло, на мне греха нет.

В Пушкине уже 80 страниц!

16 сентября

Около 12 вернулся из театра Вахтангова, с «Антония и Клеопатры». Рядом была Сашура. Постановка Жени Симонова доказывает главное: у него сильный темперамент, очень яркая выдумка и в него, безусловно, верят лучшие актеры труппы. Три главных победителя: Жека, Пастернак, Шекспир, который на тысячу лет моложе двух первых. Жека обскакал намного своего отца. Прежде всего тем, что папа брал сорежиссеров (меня дважды: в «Коварстве и любви» и «На крови»), причем требовал, и театр охотно шел на это, чтобы он значился единоличным постановщиком, а мы (двое или трое сорежиссеров) под ним, мелким шрифтом. Я был принципиальным дураком: считал, что между поэзией и театром каменная стена, дескать смешивать два эти ремесла, есть тьма искусников, я не из их числа...

Седуксен восстановлен в своих державных правах. Фурункул зажил наполовину, как хирург считает.

А утром в поликлинике встретил Гришу Поженяна и привез его к себе. И он был рад, и я весьма. Он интересно рассказывал про Леву Устинова, о причинах его развода с Н.Гр. Утверждает, что Устинов испугался ее алчности.

18 сентября

Сегодняшний вечер оказался неожиданным. Вдруг постучалась к нам норвежка, приехавшая на конференцию переводчиков (числом около 80 душ мужеска и женска пола). Ростом она вполне подходит для баскетболистки, и лет сорока двух. <...> Женщина эта по профессии актриса, но рост мешает ей играть на сцене даже в Норвегии. Эта фрекен, так она называет себя, хотя и замужем, очень хорошо понимает по-русски: мать ее русская. Отец еще в 20-х годах в течение трех дней влюбился в мать. Я вспомнил все, что знаю по-шведски с 23 года. Подарил ей III том и вложил в него свою фотографию. Сейчас Кипса поехала провожать ее в гостиницу «Урал». <...>

Сегодня утром Карзанов принес фотографии с Наталишкой. Все вполне удачны. Некоторые превосходны! Утром отправил ей фотографии, вложив их в книжку интермедий Сервантеса. Говорил с ней по телефону. Она в упоении от виленских гастролей. В начале 20-го сего месяца будет в Шяуляе – там уже начнется сезон в театре.

Очевидно, в октябре я все-таки полечу с Симоновым и др. в Тбилиси. Но об этом – не сейчас. Сейчас час ночи. Завтра в полпервого в ЦДЛ на открытие конференции зарубежных переводчиков. Норвежка одна из них. Условился найти ее в ЦДЛ.

21 сентября

Вчера день начался с получения пенсии. Потом поликлиника. Наконец-то я избавлен от УВЧ и от бинта на всю руку, включая запястье, теперь на мне всего только сухой клейкий пластырь. Фурункул почти зажил, ни опухоли, ни красноты, должен только зарости новой кожей. Потом заехал в ЦДЛ. Там было совещание переводчиков, оставил для французенки Лили Дени III том. Днем пришел капитан Мазуркин, пробыл недолго.

Кипса с норвежкой вечером были в т-ре Моссовета, смотрели Фаину и Плятта в пьесе «Дальше тишина». А у меня вечером была Сашура с подружкой Светланой и тут же пришел Володя Рецепттер.

Вчера наконец поставил точку на Пушкине: 116 страниц.

Говорил по телефону с Наталишкой. Ей очень нравится сын Венцловы, и он согласен работать у нее завлитом. Кажется, я окончательно к ней охладел. Кончила разговор просьбой телеграфировать ей. Знаем эти штуки: дескать, пришли деньги. Бог с ней, pošлю 100 рублей. И на этом точка.

От Лиды Ждановой пришла ее книжка с моим предисловием: по-моему отличная. Хочется о книжке написать в «Лит. Россию».

22 сентября

Мои рассеянность, забывчивость растут с часу на час. Как быть? Что это? Усталость, самовнушение, просто сосредоточенность в работе, которая несмотря на ни что все-таки продолжается? Или что-то хуже?

Чем помянуть эти тридцать дней? Пушкиным, Антонием и Клеопатрой, Наталишкой? Только ею одной. Я ни в чем не изменился. Отсюда и рассеянность и забывчивость. Ведь я люблю ее. Честность, хотя бы перед собой, спасала и не таких, как я. <...>

28 сентября

Звонила Сашура. Она вернулась из Великих Лук и обещала зайти завтра. От Наталишки письмо: приглашает в Шяуляй смотреть «Эвридику». Потом позвонил Салонович по поручению иностранной комиссии о том, что завтра в полвосьмого вечера я должен выступить перед приезжими с чтением и своих стихов и переводов с какого хочю языка.

Днем произошло то же самое, что и в прошлом июне: странный припадок, когда я хорошо слышу биение сердца, каждый его удар по ребрам. Я не только пугаю других, но и сам испуган. А вчера это было еще ужаснее: я кричал, как в лесу, и воя упал на колени и рыдал: «Зоя-я-я...» Словом, Павел Григорьевич, вы больны ...

Переписываю Пушкина в черную большую тетрадь. <...> Несчастье в том, что листы черновика перепутались в счете и числе. Все время кажется, что я потерял множество этих листов. Так сказывается дикая усталость (а с чего бы, кажется?). Я болен, а главное – схожу с ума на глазах у всех, кто меня видит и знает. <...> Всеволод Рождественский прислал книжку «Шкатулка памяти». Я читаю и восхищен всеми его сказками и новеллами. Особенно сказками. Как фантаст, он сильнее меня. А вечером Николай Никифорович доставил к нам из гостиницы высоченную норвежку.

2 октября

Я на положении «серьезного больного», но это – сущий вздор: вся моя жизнь в работе: Пушкин и попутно стихи. То и другое связано нерасторжимо – не оттого что стихи о Пушкине, просто одновременность создает некий общий гул в ушах. Только что говорил с Гослитом и потом с Беллой: судьба ее книги решена вплоть до того, что уже готовится выписка ей гонорара – 60%. Это большие деньги. Белла летит в Тбилиси. По приезде в Москву все будет ясно в Гослите. Последний просмотр ее и мима не состоялся: министерство культуры РСФСР блистательно отсутствовало. Придирки к Белле комичны до ужаса.

Вчера получил телеграмму от Наталишки из Шяуляя, сегодня письмо от нее. Вчера сам послал ей письмо...

Но Пушкин, Пушкин, Пушкин... Я глупо сделал, что стал переписывать якобы «набело». Из этого ничего не вышло, кроме того, что потерял страницы черновиков... на столе и в комнате по-прежнему дикий бардак. Фурункул зажил

совсем. В Москве Брауны, очень хочется повидаться с ними, поехать к ним в гостиницу, но у них дела, и у меня из-под носа уходит машина: Кипса очень серьезно больна – и глаза, и ноги...

8 ноября

Зои нет. Не думай прикидываться, врать, что веришь в воскресение. Я врал себе и другим, что верю. Мне 77 лет. Я зажился на белом свете, дряхлая развалина. Мне тошно об этом думать, а уж писать и того тошнее... Одно только осталось – работа. Многое начато, не закончено. Требуют окончания три вещи: Пушкин, «Дневник читателя», и, наконец, очень взволновавшее меня и обрадовавшее предложение сделать представление из двух сказок: Гоголь и Шекспир. Предлагает это З.Я. Корогодский⁷⁵ для Ленинградского ТЮЗа. От него два письма, на второе я на днях ответил. <...> Пока живешь, не думать немислимо. Кроме того, написана уйма новых и старых стихов. Они пригодятся для всего, особенно для Ленинградского ТЮЗа: песни, диалоги.

Друзей в избытке. Одна только близка – Сашура. Как раз оттого, что никогда не полюбит меня. Но она друг верный, твердый характер. Учится в Высшей Комсомольской Школе – близко, под Москвой. Часто приходит. Я всегда радуюсь ей.

25 декабря

Еще один огромный пропуск – просто решил не вести дневники, а маленькие записные книжки исчерпаны.

Вчера был А. З. Крейн: на Арбате будет еще один дом Пушкина, где он жил после венчания с Н. Н. Гончаровой – нечто подобное мемориалу на Мойке в Ленинграде. Была Сашура. Ещё были Коля и Маруся Брауны. В номере «Невы» стихи Брауна и в нем же статья Ореста Верейского «К двум портретам: о военных временах, о Твардовском».

<...> Ленинградский ТЮЗ предложил мне инсценировать сказку о Шекспире: «Московский скоморох». Несколько дней назад я как будто закончил её и отдаю сегодня машинистке. Что получилось, совсем не знаю. <...>

Курю трубки. Одежда в лыжное – куртка, штаны. Греться, спать... Какая ночь! Мороз трескучий. На небе ни единой тучи... Надо запомнить и читать на своих вечерах. Все мое потомство очень доброжелательно, особенно Андрей. Он тоже напечатал какие-то статьи. Все в доме спяты, кроме меня. Постараюсь заснуть, а что приснится? Зоя снится так редко. Сейчас 5 минут 5-го... Прочел всю книжку Ростислава Засса.⁷⁶ Это настоящий поэт. Молодые пишут лучше и лучше. Рифмы, ритмы, метафоры у Засса блистательны. Он изъездил всю Россию.

26 декабря

Совсем недавно у Беллы впервые видел руководителя Ленинградского ТЮЗа Зиновия Яковлевича Корогодского – весьма благожелательного к моей работе. Он же и был инициатором. Обещает, что пустит мою вещь «вне очереди». Хотел бы

верить, но знаю, как сложно и хлопотно в каждом театре в отношении репертуара. Хочется верить, что в будущем 73 году все-таки увижу огни рампы. Семидесятисемилетний поэт, в прошлом актер-неудачник, поставивший «Коварство и любовь» у ваханговцев, помогавший Рубену Симону и А. Д. Попову во многих спектаклях, писавший тексты песен и вставные сцены в «Много шуму...» Шекспира, в «Марион Делорм» Гюго, ставивший много вещей в колхозном, потом – в Горьковском театре имени Чкалова и т. д... Надеюсь, что уж на этот раз выйду драматургом, а не поэтом «при»...

Кипса болеет и это очень мучительно и ей и всем нам. «Ей, – говорят врачи, – следует самой двигаться, а не на машине ездить». Но у нее дикие боли в ногах! <...> Сейчас полдесятого вечера. Чем-то наполнится время до 12-ти? Кипса без конца разговаривает по телефону. Таких длинных разговоров я не слышал никогда. Большею частью идет речь о ее болезни.

Все время повторяю себе и всем, что пока есть голова и руки – я в порядке. Поэтому пишу, пишу и пишу все, что хочу, чего ждут от меня.

Комментарии

¹ С. Ю. Юрский, Ю. В. Яковлев, О. Н. Ефремов, О. П. Табаков – ведущие актеры московских театров 1970-х годов.

² Луговская Майя Леонидовна (имя при рожд. Елена Леонидовна Быкова; 1914-1993) – жена поэта Владимира Александровича Луговского (1901-1957); инженер-гидрогеолог, поэт, прозаик.

³ *Nacht und Nebel* – ночь и туман (пер. с нем.)

⁴ Николай Павлович – водитель Антокольских.

⁵ Речь идет о 3-ем томе собр. соч. П.Г. Антокольского.

⁶ Корольков Юрий Михайлович (1906–1981) – прозаик, журналист. Участник ВОВ (военкор).

⁷ Заграевская Инна Михайловна (род. 1933) – поэт, драматург; её детские пьесы шли в кукольных театрах бывшего СССР. С 1996 г. живет и работает в Германии.

⁸ Поздняев Константин Иванович (1911–2000) – поэт, прозаик, критик, литературовед, мемуарист. Участник ВОВ (ред-р фронтовых газет). Глав. ред-р еженедельника «Литературная Россия».

⁹ Жданова Лидия Владимировна (1938–1995) – русский писатель Латвии: поэт, прозаик, переводчик.

¹⁰ Таран Лев Николаевич (1938-1994) – врач скорой психиатрической помощи института им. Склифософского; поэт.

¹¹ Антокольский Марк Матвеевич (имя при рожд. Мордух Матысович Антокольский; 1843–1902) – скульптор, акад. Императорской Академии художеств (с 1871), представитель реализма в искусстве, завпечатлевший историю России в мраморе и бронзе. С 1871 года жил и работал во Франции и Италии.

¹² Гончаров Виктор Михайлович (1920–2001) – поэт, переводчик, художник, скульптор.

¹³ Вегин Петр Викторович (фам. при рожд. Мнацакян; 1939-2007) – поэт, переводчик, художник. Эмигрировал в США (1989), работал глав. ред. газеты «Правда русская и американская» (2003). Опубликовал свои воспоминания о П.Г.А. (2000).

¹⁴ Ванат Юлий Петрович (1903-1986) – латышский писатель, засл. деятель культуры.

¹⁵ «Застольная» (1935), «Маяковский» (1956) и «Санкюлот» (1925) – поэтические произведения П.Г. Антокольского.

¹⁶ Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) – поэт, переводчик. Участник ВОВ (военкор), участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

¹⁷ Мамлин Геннадий Семёнович (1925-2003) – поэт, прозаик, драматург; детский писатель.

¹⁸ Аня – старшая дочь Б.А. Ахмадулиной.

---

¹⁹ Речь идет, скорее всего, о поэте Снеговой Ирине Анатольевне (1922–1975). В обл. перевода она работала с Николаевской Еленой Матвеевной (1923–2006). В памяти Антокольского эти имена слились в одно.

²⁰ В 1957 г. на приёме в своей резиденции Н.С.Хрущев оскорбил М.И. Алигер, назвав её «пособницей империализма». Потом он принес ей свои извинения, причем, существуют разные версии того, как это произошло. По воспоминаниям А.Коваленковой, внучки Алигер, Хрущёв позвонил Маргарите Иосифовне. По воспоминаниям писателя Ан. Рабакова, это было на съезде писателей. Возможно, было и то и другое.

²¹ Вершинин Михаил Максимович (фам. при рожд. Шульман; 1923–1987) – журналист, поэт, переводчик, прозаик, драматург, мемуарист; редактор. Участник ВОВ. Автор знаменитой песни-марша «Москва – Пекин» (1950). Глав. ред-р альманаха «Мужество» (1950-е).

²² Хо Ши Мин (имя при рожд. Нгуен Шинь Кунг; 1890–1969) – вьетнамский государственный, политический, военный и партийный деятель. Первый президент Демократической Республики Вьетнам (1945–1996). Поэт, чьи стихи и другие произведения на русский язык переводил П.Г.А.

²³ Нонешвили Иосиф Элизорович (1918-1980) – грузинский поэт

²⁴ Чиладзе Отар Иванович (1933–2009) – грузинский поэт, прозаик, драматург.

²⁵ Бидstrup, Херлуф (1912–1988) – датский художник-карикатурист, общественный деятель.

²⁶ Речь идёт о молодёжном театре, над которым в 1930-е годы шефствовали П.Г.А. и З.К.Бажанова. В начале своей деятельности он назывался колхозным, затем – театром при автозаводе г. Горького, и в конце 1930-х годов был переименован в театр им. Чкалова.

²⁷ Сырокомский Виталий Александрович (1929-2006) – журналист. Помощник первого секретаря Московского горкома КПСС П.Н.Демичева (1961–1963). Зам. глав. ред-ра «Литературной газеты» (1966–1980).

²⁸ Луи Арагон резко выступал против авторитаризма коммунистического режима в СССР: осуждал судебный процесс против Синявского и Даниэля (1966) и ввод советских войск в Чехословакию (1968). Его действия воспринимались советским правительством как нежелательный «нажим мировой коммунистической общественности» и привели к негативным последствиям, описываемым П.Г.А.

²⁹ Фицджеральд, Фрэнсис Скотт Ки (1896–1940) – американский прозаик, представитель «потерянного поколения» в литературе.

³⁰ В СССР при тотальном дефиците принадлежность к творческому союзу давала ряд привелегий, одна из них – возможность быстрого приобретения железнодорожных и авиа билетов. Друзья и знакомые часто обращались к П.Г.А. с просьбой помочь с покупкой билетов в экстренных ситуациях.

³¹ Умывакина Галина Митрофановна (род. 1946) – поэт, литературовед, педагог.

³² Рептер Влидимир Эммануилович (род. 1935) – актёр, режиссёр, поэт, прозаик, пушкинист. Народный артист РФ (2003). Дир-р Государственного Пушкинского театрального центра.

³³ Томашевский Борис Борисович (1909–1974) – поэт, переводчик, педагог. Работал ред. гос. изд-ва «Художественная лит-ра».

---

³⁴ Куняев Станислав Юрьевич (род. 1932) – поэт, переводчик, критик, публицист. Гл. ред-р журн. «Наш современник» (с 1989).

³⁵ Луговой Владимир Моисеевич (1940–2006) – поэт.

³⁶ Бахтин Михаил Михайлович (1895–1975) – философ, культуролог, литературовед, теоретик европейской культуры и искусства. Ввёл в литературоведение понятия полифонизм, смеховая культура, карнавализация и др.

³⁷ Львов Михаил Давыдович (имя при рожд. Рафкат Давлетович Габитов; 1917–1988) – поэт, переводчик; переводил на рус. язык произведения национальных поэтов. Участник ВОВ.

³⁸ Хелемский Яков Александрович (отч. при рожд. Айзикович; 1914–2003) – поэт, прозаик, переводчик. Участник ВОВ (военкор).

³⁹ ... как она хозяйничает в доме... – После смерти З.К.Бажановой к П.Г.А. переехала его дочь от первого брака – Н.П.Антокольская. Уютный, ухоженный, красивый дом, созданный Зоей Константиновной, при её падчерице пришёл в запустение. Всё, что нужно было для облегчения страданий отца, это поддерживать его жизнь такой, какой она была при Зое Константиновне. И это не было сложно – при наличии домработницы, прослужившей Антокольским почти сорок лет. Но дочь поэта безжалостно изменила этот дом: не только интерьер, привычные детали обстановки, но и весь уклад жизни, нанеся отцу дополнительную тяжелую травму. См. также *Маргарита Алигер. Большой Лёвшинский. В кн. «Воспоминания о Павле Антокольском». Москва. Советский писатель. 1987. С.87-111.*

⁴⁰ Васильева Лариса Николаевна (фам. при рожд. Кучеренко; 1935–2018) – поэтесса, прозаик, драматург. Автор книг «Кремлёвские жёны» (1993), «Дети Кремля» (1997).

⁴¹ Лебединская Лидия Борисовна (фам. при рожд. Толстая; 1921–2006) – прозаик, переводчица, мемуаристка.

⁴² Сухарев Дмитрий (имя при рожд. Дмитрий Антонович Сахаров; рожд. 1930) – учёный-биолог, докт. биол. наук; поэт, переводчик, бард.

⁴³ Арден, Джон (1930–2012) – английский драматург.

⁴⁴ Ануй, Жан Мари Люсьен Пьер (1910–1987) – французский драматург, сценарист, режиссёр; один из создателей интеллектуальной драмы.

⁴⁵ «Король забавляется» – романтическая драма в стихах Виктора Гюго (1832), переведенная П.Г.А. на рус. яз. (1958, 1972).

⁴⁶ По мнению многих писателей, в Ильине было больше человечности, чем в его коллегах-аппаратчиках, занимавших административные посты в Союзе писателей. Жестоким и злобным чиновником он не был.

⁴⁷ Кириленко Андрей Павлович (1906–1990) – советский партийный деятель; член Политбюро ЦК КПСС (1962–1982), секретарь ЦК КПСС (1966–1982).

⁴⁸ Фейнберг Илья Львович (1905–1979) – прозаик, литературовед, исследователь творчества А.С.Пушкина. Участник ВОВ (военкор). Отв. секр. Пушкинской комиссии СП СССР (с 1940).

⁴⁹ Н.А.Тарасов был отстранен от должности гл. ред-ра журнала «Физкультура и спорт» за неувольнение своего друга и спецкора журнала Галинского Аркадия

Романовича (1922–1996) – участника ВОВ, спортивного журналиста, комментатора, аналитика спорта, известного как «Солженицын советского футбола».

⁵⁰ Шогенцуков Адам Огурлиевич (1916-1995) – народный поэт Кабардино-Балкарской АССР, прозаик, драматург, публицист.

⁵¹ Хуциев Марлен Мартынович (1925–2019) – кинорежиссёр, сценарист, педагог. Нар. артист СССР (1986), лауреат Гос. премии РФ (1993).

⁵² Бернэс Марк Наумович (имя при рождении Мена́хем-Ман Не́ухович Нейман; 1911-1965) – певец, киноактер, легенда советской эстрады. Его вдова – Бодрова Лилия Михайловна (1929–2006).

⁵³ Эл Морган (1920–2011) – американский прозаик, продюсер.

⁵⁴ Шилов Лев Алексеевич (1932–2004) – искусствовед, прозаик, архивист. Создал отдел звукозаписи в Государственном литературном музее, где собрал уникальную фонотеку русских писателей и поэтов.

⁵⁵ Гейченко Семен Степанович (1903-1993) – прозаик, литературовед-пушкинист, музейный работник. Дир-р и хранитель Гос. Пушкинского музея-заповедника в с. Михайловском Псковской обл. (1945).

⁵⁶ Сарьян Мартирос Сергеевич (1880–1972) – живописец, график, мастер пейзажа, сценограф. Лауреат Сталинской (1941) и Ленинской (1961) премий.

⁵⁷ Антокольский Лев Моисеевич (имя при рожд. Лейба Мовшевич Антокольский; 1872–1942) – художник, педагог; дядя П.Г.А. (брат отца).

⁵⁸ Рэйн Евгений Борисович (род. 1935) – поэт, прозаик, сценарист.

⁵⁹ Лавут Павел Ильич (1898–1979) – актёр, концертный администратор, мемуарист.

⁶⁰ Гефсиманский сад – место моления Иисуса Христа в ночь ареста.

⁶¹ «Глазами клоуна» – спектакль по пьесе Г.Бёлля в репертуаре Тетра им. Моссовета с Г.Л. Бортниковым (1939–2007) в главной роли, постановка и сценография его же.

⁶² Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996) – прозаик, литературовед, критик.

⁶³ Гай Светоний Транквилл (ок. 70 года н.э. – после 122 года н.э.) – древнеримский учёный-энциклопедист, историк, писатель.

⁶⁴ Шмаринов Дементий Алексеевич (1907 – 1999) – художник, педагог. Нар. худ. СССР (1967), лауреат Сталинской (1943) и Ленинской (1980) премий.

⁶⁵ Клиnger, Фридрих Максимилиан (1752–1831) – немецкий поэт и драматург, генерал российской армии.

⁶⁶ Вадим Витальевич Сикорский (1922-2012) – поэт, переводчик, прозаик. Зав. отд. поэзии в журнале «Новый мир».

⁶⁷ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, историк искусства, критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства».

⁶⁸ У П.Г.А. нетипичное понимание дилетантизма. Согласно устоявшемуся мнению, дилетантизм – это занятие каким-либо делом без должных знаний и профессиональной подготовки. Еще одно определение можно найти в толковом словаре Вл. Даля, который понимает дилетантизм (от лат. *delecto* – услаждаю, забавляю) как выбор занятия «не по

промыслу, а по склонности, по охоте, для забавы». См. *Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. С. 435.*

⁶⁹ Серов Валентин Александрович (1865–1911) – живописец и график: мастер портрета, академик Императорской Академии художеств. Книга М.Копшицера «Валентин Серов» посвящена не только жизни и творчеству великого русского художника, но и воспроизводит картину всей художественной жизни России XIX века.

⁷⁰ Копшицер Марк Исаевич (1923–1982) – искусствовед, прозаик, биограф.

⁷¹ Ильина Наталья Иосифовна (1914-1994) – прозаик, критик, публицист; работала в жанре фельетона; Реформатский Александр Александрович (1900– 1978) – лингвист, докт. филол. наук, представитель Московской фонологической школы, автор классического учебника «Введение в языковедение» (1947).

⁷² В 1961 г. В. П. Катаеву, Е.А. Евтушенко, В.П. Аксёнову и А.А. Вознесенскому не удалось пробить в ЦК новое издание «Лестница». Когда же через 10 лет Е.А. Евтушенко на приеме у помощника Брежнева заговорил об этом снова, предложение было принято. Но тут сопротивление оказали его коллеги – написали письмо в ЦК с просьбой считать их к планам Евтушенко непричастными. В ЦК изменили решение и новое издание не появилось.

⁷³ Дьяконова Галя (имя при рожд. Елена Ивановна Дьяконова; 1894–1982) – жена Поля Элюара, позднее – жена, муза и модель Сальвадора Дали (1904–1989), испанского художника, писателя, представителя сюрреализма. Родилась в Казани, жила в Москве, посещала гимназию М.Г. Брюхоненко (Бол. Кисловский пер., д. 4), где учились сёстры Цветаевы – Марина и Анастасия.

⁷⁴ Тёмин Леонид Самойлович (1933-1983) – поэт.

⁷⁵ Корогодский Зиновий Яковлевич (имя при рожд. Залман; 1926 –2004) – театральный режиссёр, педагог. Лауреат премии Станиславского (2000)

⁷⁶ Засс Ростислав Васильевич (1940–1999) – поэт, прозаик, публицист, педагог.